

Александр ПРОЗОРОВ

КЛАН

Александр Дмитриевич Прозоров

Северный круг

Серия «Клан», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=122103

*Клан. Северный круг: «Ленинградское издательство»; СПб.; 2008
ISBN 978-5-9942-0112-1*

Аннотация

Шестьдесят веков назад, измученный свершениями своими, уснул Великий Нефелим – создатель Земли и прародитель человечества. Заснул, чтобы возродиться спустя шесть тысяч лет. Все это время не утихают битвы между смертными, которые защищают покой Великого, и теми, кто желает добиться власти с помощью его силы, между магами черными и белыми, между империями вечными и мимолетными. Но пока существует Клан – никто не будет допущен к сосредоточению силы, что сокрыта в усыпальнице. Дабы в час, предсказанный мудрейшими из мудрых, Нефелим вышел на свет, простер над человечеством свою руку и вернул смертных в Золотой Век.

Содержание

Глава первая	4
Глава вторая	75
Конец ознакомительного фрагмента.	129

Александр Прозоров

Северный круг

Глава первая

*Город Неб,¹ остров перед первым порогом Нила.
3815 год до н. э.*

Жаркое, изнуряющее солнце Кемета² тщетно пыталось проникнуть в прохладный зал сквозь оставленные под толчком окна, но его ослепительные лучи падали на множество свисающих с потолка хрустальных шаров и разбивались на несметное число крохотных многоцветных радуг, ничуть не утомляющих глаз. Точно так же и сухой горячий воздух, что дрожал над берегами великой реки, никак не мог проникнуть в обширные залы дворца, отгородившегося от пустыни речными протоками. Мелкая водяная пыль, что летела к острову из расщелины, через которую с ревом прорывался Нил, смешивалась возле острова с ветрами и защищала город от полуденного зноя.

Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, любил влагу. Он любил реки, стремительные струи воды, морские волны, ура-

¹ Неб – греческое название этого города Лессуап.

² Кемет – греческое название этой страны Египет.

ганный ветер с холодными колючими брызгами. Он любил фонтаны, водопады, ручьи и озера. Он непостижимо любил влагу – пожалуй, даже больше, нежели ценил сорок девственниц, что еженощно обязаны были сменяться в его по-
коях.

Впрочем, за все время сорока шаров он так и не коснулся ни одной из девственниц, хотя выходили они из покоев измотанные, словно после долгих любовных ласк. Измотанные так, что отдыхали шесть дней и ночей, прежде чем снова могли войти в покои. Но вот вода... От близости к воде дыхание Великого учащалось, кожа толстела на глазах и из зеленой превращалась в искрящуюся изумрудную, полупрозрачную, так что под ней различались комки крови, бегущие по жилам...

– Нижайше умоляем Великого...

Послы с громким стуком упали на колени, и Мудрый Хентиamenti по прозвищу Черный Пес, тряхнув головой, оторвался от грустных размышлений. Ведь он восседал на троне не своею волей, а именем Нефелима, Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью. И потому не имел права предаваться собственным думам.

В зале, отделанном прочным красным мрамором, царил блаженный прохладный полумрак. Четверо широкоплечих чернокожих вивитов, одетых только в набедренные повязки из обильно прошитого золотыми нитями полотна, с изогну-

тыми боевыми рубилами в руках застыли между тронном из слоновой кости и просителями, а двое белокурых харранизов с веерами из страусиных перьев на длинных рукоятях оведали из-за высокой спинки Мудрого Хентиamenti легким ветерком. На полу же, перед ведущими к ногам ступенями, склонили к каменному полу бритые головы шиллуки – трое посланцев в накиннутых на плечи шерстяных плащах.

– Нижайше умоляем Великого, – повторил один из просителей, – повернуть взор к нашим бедам и озарить нас своей милостью. По наущению колдунов пунтийских поднимаются ночами, лишенными света, мертвые воры и грабители, казненные по заветам предков и велениям Великого и брошенные в песках на корм шакалам. Безликие тени их врываются в шатры и святилища наши, выпивают души детей наших и лишают наших женщин плодovitости...

– Провинция Пунт³ – искренне удивился Хентиamenti. – Та, что поставляет Великому благовония и драгоценный кедр? Ужели тамошним номархам недостает милости правителя и они жаждут чужих душ?

– О милости и справедливости молим Великого, – жалобно простонали просители, упираясь головами в пол, и советник правителя поверил.

– Ступайте к домам и очагам вашим, – величаво кивнул он с трона. – Воля Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью, защитит

³ Пунт – предположительно, территория современного Судана.

вас от злого колдовства. Нет надобности тревожить Нефелима такой малостью. Сегодня же до заката я своею волей пошлю в земли ваши семерых уаджитов, постигших тайны Великого. Они спасут вас от теней казненных.

Посланцы южного народа, не поднимаясь с колен и шурша лысынами по полу, отползли к вратам. Высокие створки приоткрылись, ненадолго показав кусочек выцветшего неба, и снова сомкнулись. В зале возникли желтолицые и узкоглазые орангалы, что нередко заплывают в Жемчужное море⁴ со своих далеких островов, привозя дивные раковины, орехи размером с человеческую голову и прочные веревки, не боящиеся морской воды. Обитая в десятках дней пути от столицы, они не испытывали такого же страха перед волей Нефелима, что и просители ближних народов, а потому опустились на колени не у самого входа, а только подойдя к ступеням перед троном:

– Номарх Теплых островов спешит донести Великому, – без особого трепета в голосе и даже не склонив головы заговорил один из них, – что в знак почтения и уважения к нему воины всех племен наших выстроили пирамиду высотой в две сотни локтей, отделали ее черным стеклом и возожгли на вершине огонь в день прихода Сошедшего с Небес. Радуюсь милостям его, номарх прислал Великому стволов красного дерева полста штук, золотых блюд чеканных полста штук, серебряных кубков полста штук, масла пальмового десять кув-

⁴ Жемчужное море – ныне Красное море.

шинов, коры горького дерева пять корзин, соли молотой десять корзин.

– Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, получит известие о вашем подношении, – после короткого размышления кивнул Хентиamenti. Он решил не карать гостей за дерзость, раз уж они явились с подарками, а не с просьбами или недовольством. Пусть Нефелим слывет не только грозным, но и милостивым. – Но нет надобности тревожить Великого такой малостью, как осмотр даров Теплых островов. Я отнесу ему весть о вашей преданности, и он расстелет над вашими островами дыхание своей милости.

Мореплаватели отступили, поднялись с колен, но повернуться к советнику правителя мира спиной не рискнули, дошли до дверей пятясь. Опять створки на миг показали небеса, и в зал ступили новые просители: белокожие, с длинными курчавыми бородами и волосами, падающими на плечи, либо забранными на затылке в пучок, похожий на конский хвост. Хентиamenti поморщился. Его всегда раздражала эта манера диких обитателей страны Апи.⁵ отращивать на себе, подобно диким животным, всю шерсть, что росла на теле. Любой египтянин с детства знал, что волосы на теле – обитель злых духов, липких запахов и мелких надоедливых насекомых. Однако такая простая истина почему-то никак не доходила до скудных умов уроженцев лесистых провинций

⁵ Апи – современная Италия

за Зеленым морем⁶

– О справедливости молим Великого, о мудрейший из его советников, – опустили на колени северяне, и смрад от их немытых тел достиг обоняния Черного Пса. Мало того что апианцы не брили волос и носили множество одежд, они еще и явились впятером, словно вони одного было бы недостаточно.

Однако Мудрый Хентиamenti сдержал свое презрение. Ведь он воплощал на этом троне не себя, а высшую мудрость и справедливость правителя мира. Поэтому советник лишь слегка склонил голову, разрешая северянам продолжать.

– Подлые шарданцы,⁷ наказанные Великим за разбой на морях, своей гнусностью и хитростью стараются избегать кары, наложенной Нефелимом, – торопливо заговорил главный из просителей, самый длиннобородый, с большой золотой пряжкой, скрепляющей шерстяную ткань на плече. – Они выкладывают свои селения камнем, они роют между ними подземные ходы, проделывают лазы к причалам и продолжают выходить в море! Они заслуживают новой кары, мудрейший из советников! Иначе Зеленое море никогда не избавится от этих разбойников!

Хентиamenti прикрыл глаза, вспоминая суть спора... Да, действительно, на жителей острова Шардан два десятилетия назад была наложена кара. Умелые мореплаватели, они не

⁶ Зеленое море – Средиземное море.

⁷ Шардан (морской народ) – обитатели современного острова Сардиния.

только быстро вытесняли прочих корабельщиков и рыбаков с уловистых мест и торговых путей, но и повадились грабить одинокие суда, забирая имущество и отправляя на дно путешественников. Услышав про это, Нефелим разгневался и запретил морским разбойникам ступать ногой на землю. Однако, похоже, ушлые шарданцы не сгнули на своих посудинах вдали от берегов, а нашли способ выжить, не нарушая приказа...

– Великий Правитель, Сошедший с Небес и Напитавший Смертные Народы Своей Мудростью, не приказывал морскому народу умереть, – ровным голосом сообщил просителям советник. – Он запретил им ступать на землю. Если шарданцы роют подземные ходы и выкладывают улицы камнем, дабы не нарушить воли Нефелима и не коснуться ногой земли, это значит, что они с честью несут наложенную на них кару. За это не полагается новых наказаний. Ступайте. Тревожить Великого такой малостью нет никакой нужды.

Снова раскрылись и захлопнулись высокие створки, но на этот раз в зал никто не вошел.

Мудрый Хентиamenti позволил себе вздохнуть и поднял руку, останавливая опахальщиков со страусовыми веерами.

– Хет-ка-Хтах, – обратился советник к одному из них. – Ступай к номарху порта и вырази ему мое недовольство. Он не должен был пропускать в храм Великого мореплавателей с Теплых островов. Никакие дары не могут быть веским основанием для нарушения покоя Нефелима. Нам достаточно

списка подношений.

Черный Пес поднялся с трона, поправил диадему, украшенную головой змеи с жутким немигающим взглядом, так пугающе похожим на взор Великого, спустился по ступеням и ушел в низкий проем за тронем, невидимый посетителям. Проход был темен и низок. Настолько низок, что Сошедший с Небес, пожалуй, и не протиснулся бы здесь своим могучим телом, но правитель все равно никогда не появлялся в зале просителей. Здесь важных гостей от обычных попрошайек отделяли его советники.

Навстречу потянуло сыростью, и Хентиamenti недовольно поежился – даже прохлада бывает чрезмерной. Нога его переступила священное кольцо из черного стекла, вмурованного в стены прохода и защищающего внутренние покои от злых духов. По телу пробежал привычный холодок, уши различили тихие голоса в комнате слуг. Тихие... Значит, Великий еще спит...

Входить во внутренние залы, отделенные от покоев Нефелима всего одной стеной, дозволялось лишь избранным. Женщинам, повелевающим девственницами, самим девственницам, советникам и прорицателям. И, естественно, чернокожей страже из избранного племени вивитов, обитающего между третьим и четвертым порогом. Даже самые знатные из царей, ханов и жрецов, коим на родине поклонялись, как Великому, принесшему мудрость с небес на землю, никогда не видели этих выложенных черным вулканическим

стеклом врат, высоких стен из красного гранита, лежащего на кипарисовых балках и подпертого круглыми колоннами потолка. Даже в тех редких случаях, когда советники не могли сами разрешить дело просителя, тот должен был ожидать волеизъявления Нефелима на улице. Великий выходил на залитую солнцем траву, возвышаясь над слугами подобно горе, и громогласно провозглашал свою волю. Не словами – правитель никогда не пользовался человеческой речью. Просто он вскидывал голову, и весь остров наполнялся его оглушающим рыком. Рыком столь могучим, что в замкнутых тенистых залах храма от этого гласа у людей лопались глаза и текла кровь из ушей, подгибались ноги и прерывалось дыхание. Рыком, от которого даже на открытом со всех сторон речном мысу просители падали ниц в священном трепете. Великий просто подавал голос – и всем смертным становилась ясна его воля до последней черточки...

Однако уже давно не раскатывался священный голос Великого ни над речными струями, ни в прохладных покоях огромных залов правителя. И тщетно ожидали пробуждения в предвратном помещении трое советников Нефелима и трое прорицателей, одетые лишь в набедренные повязки и черные платки, свернутые на гладко выбритых лысинах; о чем-то переговаривались две смотрительницы за девственницами. Тела женщин ограждали от любопытных взоров длинные туники, украшенные понизу красной полосой. Невозмутимая чернокожая стража, словно высеченная из

обсидиана, нерушимо застыла перед ведущими в покои вратами. Воины сжимали в руках бронзовые боевые топоры, покрытые магическими иероглифами, что вселяли во врага ужас. Мудрый Хентиamenti пересек зал, направляясь к вратам в покои Нефелима, — но, когда до поблескивающих священным камнем врат осталось всего несколько шагов, двое стражей опустили топоры на уровень плотно исшитых золотыми нитями набедренных повязок со свисающими вперед полотняными лентами. Это означало, что еще немного — и они отрубят ноги нечестивцу, вознамерившемуся встревожить покой правителя мира.

Главный из советников Нефелима остановился, вздохнул, вперившись взглядом в такие близкие, но недоступные ему створки.

— Сегодня настал сороковой день, Мудрый Хентиamenti... — Черный Пес вздрогнул от тихих, но неожиданных слов, произнесенных в самое ухо.

— Это ты, Всевидящий Сехем? — отступив на пару шагов, кивнул советник главному прорицателю. — Скажи мне что-нибудь вещее, всевидящий. Скажи мне что-нибудь доброе.

— Надо ли говорить это здесь? — чуть заметно пожал плечами прорицатель. — Надо ли запираť слова среди стен? Пойдем на мыс, Мудрый Хентиamenti. Отдадим вещие слова на волю ветров кеметских...

— Ты хочешь отдать вещие слова на волю ветров? — удивился Черный Пес, глядя прорицателю прямо в глаза.

Однако Всевидящий Сехем, облаченный в шелковую тунику через левое плечо, в высоком цилиндре из коры пробкового дерева, украшенном жемчугом и тонкими бирюзовыми лепестками, и в широком ожерелье из пластинок слоновой кости, выдержал тяжелый взгляд главного советника.

Хентиamenti кивнул:

– Ну, что же, идем.

Стоило двум высшим служителям Великого Нефелима покинуть дворец, как на них немедленно обрушился полуденный зной. С безупречно чистого неба Амон-Ра излучал бесконечные потоки ослепительного света. Горячий воздух заскользил по телам, словно пламя жертвенного костра, и Черный Пес остро позавидовал прорицателю, голову которого спасала пробковая триара, а плечи – широкое ожерелье. Сехем спокойно шествовал вперед, и только темно-темно-коричневая кожа урожденного египтянина в ярком свете казалась отлитой из электрона.⁸ В отличие от чернокожего Хентиamenti, который еще младенцем был принесен в жертву одному из храмов Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью, а потому не знал ни имен родителей, ни своего роду-племени, всевидящий Сехем родился и вырос на берегах Нила. Во дворец он попал благодаря дару прорицания, проявившемуся еще в детские годы. Предсказания Сехема исполнялись всегда. Просто всегда, без всяких исключений.

⁸ Электрон – сплав золота и серебра, чрезвычайно популярный в Древнем мире.

Египтянин обогнул дворец, облицованный снаружи светлым песчаником, вышел на широкий мыс, тянущийся в сторону первого порога. От коричневых потоков, струящихся справа и слева, потянуло легкой прохладой, ветер кинул в людей немного водяной пыли, принесенной с порога, и главный советник Нефелима почувствовал себя несколько лучше.

– Ты умен, Черный Пес, – остановился Сехем, продолжая глядеть перед собой, туда, где струи илистой нильской воды с ревом пробивались между скалами. – Ты ловок и умен. Сегодня настал сороковой день, как Великий не открыл глаз, а никто еще ни о чем не догадался. К нему не удалось пробиться ни единому просителю, от него не потребовалось ни единого совета. Во всех сторонах света жизнь течет своим чередом, и многие миллионы смертных по-прежнему уверены, что над ними простирается могучая рука Великого, защищая их своею волей и высшей мудростью от любых невзгод...

– К чему ты ведешь, Всевидящий?

– Ты умен, Черный Пес, – покачал головой прорицатель, – но даже ты не сможешь скрывать истину вечно. Когда Нефелим не показывается на мысу сорок дней, смертные еще готовы поверить, что в этом нет нужды. Когда он не покажется еще столько же, они начнут тревожиться. Если они не увидят Великого полгода, начнется ропот. И тогда уже никакие слова не смогут вернуть правителям веру подданных. Будет лучше, Хентиamenti, если смертные услышат горькую весть

от нас, а не догадаются о ней сами.

– Но, может быть, – сглотнул советник, – может, он еще проснется?

– Он проснется, Мудрый Хентиamenti, – положил египтянин ладонь на плечо Черного Пса. – Он проснется, но не здесь и не сейчас. Его сон будет долог, очень долог. Сотни веков проплывут над его усыпальницей, прежде чем разум Великого, правившего миром пятьсот лет, отдохнет и обретет прежнюю силу; прежде чем он снова сможет волей своей поворачивать вспять реки, поднимать в воздух горы, призывать ураганы... Он вернется куда более сильным, нежели прежде. Наш правитель не умер, Черный Пес. Он всего лишь спит. Вот уже сорок дней, как он не поднимает веки, как перестали биться его сердца и остановилось дыхание. Но на теле Великого нет никаких следов тлена. Запах его по-прежнему чист и свеж, кожа ровна и крепка, цвет ее здоров, как никогда. Я вижу, что души Ка и Ах⁹ еще не покинули тела, не допустили ухода Великого. Я вижу, что лишь Ба оставила нашего правителя, отправившись в путь между мирами ради постижения новой мудрости. Повелитель всех земель

⁹ Души Ка, Ах и Ба. По убеждениям древнейших египтян, человек обладал двумя душами, Именем и Тенью. Кроме того, верховные правители, боги, города и страны обладали еще одной душой, Ба. По мере развития их цивилизации простые египтяне тоже стали ощущать тройственную внутреннюю сущность, и в народе постепенно возникло убеждение, что Ба стало присуще и простым людям. А потом в Египет пришел ислам, и это направление духовного развития оказалось оборвано.

и народов почил, но не взошел на ладью миллионов лет, не вознесся на небо навстречу дню, не вошел в царство великой Аментет, не сразился с ужасной Амамат, пожирательницей Дуата. Вернется Ба в отдохновенное тело, откроются глаза его, отомкнутся уста его, вернется мудрость его на благодарные земли...

– Когда?! – перебил прорицателя Черный Пес.

– Тело должно отправиться на спокойные земли, на границу холода и островов, и храниться там в тишине и мире, ожидая часа, когда душа закончит путешествие. И лишь когда над усыпальницей начнут полыхать огни, когда защитники врат в мир мертвых займут место в его ногах, а вокруг усыпальницы соберутся хранители душ из трех стран пирамид – лишь тогда закончится отдых Великого, и он пробудится...

– Не надо пророчеств, Сехем, – перебил египтянина советник. – Скажи мне, когда это случится? Когда я дождусь этого благословенного мига?!

– Ты не дождешься его, Черный Пес, – отвел глаза прорицатель. – Я вижу впереди много, много веков, когда смертные будут предоставлены сами себе и, лишённые мудрости, погрязнут в пороках. Силы горя и разрухи поработят их, превратив души в пристанища зла...

– Сколько, прорицатель?! Просто скажи, сколько лет нам придется жить без него?!

– Шестьдесят веков, Черный Пес, – вздохнул египтянин. – Долгих шестьдесят столетий... Что с тобой, Хентиamenti?

Ты плачешь?

– Нет, прорицатель, – мотнул головой советник. – Я вижу, как Амон-Ра покинул небосклон Египта, погрузив его во мглу и холод. Я вижу, как рушатся прекрасные стены Неба, и над его руинами смертные бьются за зерно пшеницы или крысиный хвост, как цари и ханы считают себя высшими правителями и пытаются доказать это, засевая поля человеческими костями. Я вижу все это, и глаза мои режет болью. Человек слаб, жаден и неразумен. Кто удержит его от зла и направит на созидание без Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью?

– Ты мудр, советник, – вздохнул прорицатель. – Тебе не нужен дар всеведения, чтобы познать будущее. Но должен напомнить тебе, Черный Пес, что ты обязан служить Великому, а не смертным. Твой долг не исполнен до конца.

– Разве я в силах хоть чем-то помочь Великому? – отер лицо советник, пытаясь понять, откуда взялась на них влага. Неужели он и вправду плакал? Или это всего лишь водяная пыль, прилетевшая от первого порога?

– Ты обязан построить ему усыпальницу, Черный Пес. Укрытие, в котором он обретет покой на все шестьдесят веков сна. Оно должно стоять вдали от людских селений, в холодных землях, где не так злобна гниль и где нет болезней. На острове средь текущей воды, но в морях, ибо тебе известно, сколь любит Великий текущую воду и как плохо

ему, когда он оказывается вдали от озер и морей. Усыпальницу на десять дней пути потребно окружить алтарями Амона-Ра, дабы насытить землю его священным теплом. Ты должен упокоить Великого, выстроить и освятить алтари, оставить при усыпальнице стражу, которая приведет Нефелиму сорок девственниц в час его пробуждения и станет охранять его в пути на царствие туда, куда он пожелает. И только после этого ты станешь свободен от клятвы, которую принес при рождении.

– Оставить стражу, которая выстоит шестьдесят веков? – недоверчиво покачал головой советник. – Сохранить покой Великого на столь же долгий срок? Доставить девственниц на такой срок вперед? Возможно ли это, всевидящий Сехем? Устроить могилу на острове среди текущей воды, но среди морей, и при этом выстроить алтари на десять дней окрест? Ведь каждый из таких алтарей тоже должен стоять на острове. Разве может существовать такое место?

– Ты найдешь его, Черный Пес, – уверенно улыбнулся прорицатель. – Я знаю.

– Ну, так подскажи, где такое может быть?

– Во мне нет знания, Черный Пес, – пожал плечами египтянин. – Я всего лишь доношу слова богов и заглядываю за занавес будущего. Я знаю, что ты найдешь такое место и исполнишь завет Нефелима. А как ты сможешь это исполнить – это выше моего понимания...

Египтянин уважительно поклонился и направился в сто-

рону храма, оставив главного советника Великого в размышлениях на широком песчаном мысу, омываемом неторопливыми водами коричневого Нила.

– Зачем ты покинул нас, о Великий? – бесшумно прошептали его черные губы.

Но в одном египтянин был прав: сон Нефелима не освобождал верного раба от службы. И даже если все смертные сгинут с лица мира в дикости своей и невежестве, он, Мудрый Хентиamenti, Черный Пес, обязан сделать так, чтобы Великий Правитель, Сошедший с Небес, не утратил при этом покоя, не лишился тела или одной из своих душ, чтобы возродился здоровым и отдохнувшим.

– Стражу и девственниц я могу взять с собой. Алтари построят слуги и советники, – так же тихо пробормотал Черный Пес. – Но где взять реку среди морей? Да еще множество островов на ней на десять дней пути.

Советник вздохнул и вслед за провидцем направился ко дворцу.

Одним из великих даров Нефелима смертным была карта.¹⁰ Карта с очертаниями всех земель мира, выложенная прямо на стене храма, что обращена к морю – вниз по те-

¹⁰ Карта Нефелима – больше известна как карта Пири Рейса, османского адмирала, нашедшего ее в одном из храмов в 1513 году после захвата Египта Турцией. До недавнего времени отличительной особенностью карты являлись нанесенные на неё очертания Антарктиды. Более точные, нежели даже на картах 1929 года, когда она была обнаружена директором турецкого национального музея Малилом Эдхсмом.

чению. Любой из мореплавателей мог невозбранно срисовывать карту в меру своего умения и пользоваться ею, путешествуя по миру. Реки, моря, озера отмечались тщательно отполированными бирюзовыми пластинами, равнины поблескивали изумрудами, горные хребты темнели обсидиановыми пиками. Некоторые из гор украшались белыми крохотными жемчужинами, некоторые – небольшими рубинами. Карта с детства поражала Черного Пса невероятной красотой и наглядностью, но только сегодня он подумал о том, что карта может послужить и своему создателю.

Моря, моря, огромные бирюзовые плоскости. Нет, в таких местах не бывает течения. К тому же, островов должно быть много, чтобы их хватило и на усыпальницу, и на алтари. Теплые острова? Нет, там нет течения. Да и египтянин напоминал, что усыпальницу хорошо бы выстроить в холодных и малообитаемых землях...

Черный Пес поднял глаза вверх и вздрогнул, обнаружив там два почти соприкасающихся внутренних моря. Между морями имелаась тонкая земляная перемычка шириной не более дня пути, из одного моря в другое текла широкая река, на которой, как и в низовьях Нила, имелось множество островов.

– Наверное, как и на Ниле, там все утопает в болотах... – тихо заметил советник, но особого значения это уже не имело. Потому что на землях вокруг, на самой перемычке синели глазки сотен больших и малых озер. А значит – на них

почти наверняка найдутся островки, где нетрудно выстроить алтари Амона-Ра. Можно было подумать, боги специально создали такое место, чтобы дать Великому Нефелиму приют для сна, который продлится десятки веков. Текучая вода, острова, моря. Все собрано вместе – и вдобавок на самой границе легендарных северных ледников.

– Прошу простить, если прерву важные размышления, мудрый Хентиamenti, но я докладываю о выполнении приказа.

– А, это ты, Хет-ка-Хтах, – кивнул вернувшемуся из порта опахальщику Черный Пес.

– Ты позволишь мне говорить, господин?

– Говори.

– Номарх Эбер-Са нижайше просил не гневаться на его проступок, Мудрый Хентиamenti. Он просил передать, что дары мореплавателей с Теплых островов дороги и присланы сверх наложенной Великим дани. Мореплаватели жаждали всего лишь узреть Нефелима, пусть издалека и не произнося ни слова...

– Хватит! – вскинул руку Черный Пес. – Я вижу, номарх сделал тебя самым ярым из своих защитников. Ступай обратно к нему и сообщи, что мне требуется три десятка кораблей для плавания в холодные воды, на каждом должно быть в достатке гребцов и опытные кормчие. Я отберу в путь дважды по девяносто самых сильных воинов, я возьму с собой всех девственников и советников – пусть приготовит на них

припасы. Я возьму все золото, что есть на острове, и лучших ювелиров. И возьму еще один, очень ценный и большой груз. Сроку даю... семь дней. Пусть поспешает, коли не жаждет узнать всю глубину моего гнева. Ступай.

Санкт-Петербург, Красное Село.

12 сентября 1995 года. 14:15

Промчавшись по Таллиннскому шоссе до поворота на Пушкин, Алексей сбросил скорость, отсчитывая перекрестки, на третьем повернул налево, миновал два панельных пятиэтажных дома, сквер с детской площадкой и оказался на тенистой улице с вековыми кленами. Здесь по сторонам стояли самые обычные избы-пятистенки, лишь изредка разбавляемые аккуратными кирпичными домиками. Заборы, дворы, сады, огороды – деревня деревней. И не подумаешь, что находишься в двадцатом веке в черте Санкт-Петербурга, северной столицы, второго по размерам города России.

Впереди показались стоящие поперек дороги два УАЗика, белый «жигуленок-шестерка», автобус ПАЗ с покрашенными окнами. Леша Дикулин отвернул с дороги на тротуар, заглушил мотоцикл, прислонил его к могучему древесному стволу, скинул каску, повесил ее на руль, пристегнул велосипедным замком с гибким стальным тросиком и двинулся к машинам.

– Куда это тебя несет? – Выступил поперек дороги молоденький мент в темно-синем «броники», надетом поверх

обычной формы с погонами младшего сержанта. За спиной висел короткоствольный автомат со сложенным прикладом, в руках покоилась длинная резиновая дубинка. Всем видом милиционер излучал уверенность в своей власти и праве повелевать обычными смертными. – Не видишь – оцепление!

– Капитан Нефедов мне нужен, – безразличным тоном ответил Алексей. – Который Сергей Леонидович. Есть здесь такой?

Сержант несколько секунд подумал, потом молча отвернулся. Дикулин прошел мимо, направляясь к белой «шестерке».

Следователь стоял здесь, обсуждая что-то со спецназовцем, одетым помимо «броника» еще и в кевларовый шлем с пластинами, делающий голову похожей на огромную восьмигранную гайку. О чем они говорили, Леша не расслышал, поскольку, увидев его, Нефедов кивнул:

– Ну, начинаем, капитан, – и шагнул навстречу, протягивая руку: – Привет, массажист. Долго ты чего-то.

– Так почти двадцать километров по спидометру, не считая светофоров. Чего у вас случилось? Спецназ-то зачем?

– Там четыре миллиона рублей, – скривился, словно от зубной боли, следователь. – Или двести тысяч долларов. При таких суммах внутри почти наверняка окажется вооруженная охрана. Так что лучше подстраховаться.

– А я зачем?

– А то не догадываешься? – Нефедов сплюнул. – Колдун

он, естественно. Потомственный маг в седьмом колене снимет порчу, сглаз, прыщи и похмелье... – Сергей Леонидович захлопал себя по карманам, видимо, выискивая рекламный буклет, и безнадежно махнул рукой: – В общем, знахарь какой-то.

– Понятно... – Алексей расстегнул куртку, сдвинул поясную сумку вперед, расстегнул и переложил документы из нее в карман брюк. – Кстати, четыре миллиона – это не двести тысяч дохлых президентов, а всего сто с небольшим.

– Это ты потерпевшей потом расскажешь, – вздохнул следователь. – Как она в заявлении написала, так и говорю.

– Может, не знахарь, а урка какой-нибудь? – предположил Дикулин.

– Колдун. Точно колдун. Я ваши дела завсегда сразу узнаю. То золото-бриллианты сквозь стену уйдут, то вдруг десять свидетелей видят, как их из окна вытаскивают, да еще паспорт похитителя на улице подбирают, то потом ни одной собаки с показаниями не найти, и потерпевших нет, только вещдоки. Вот скажи, какого хрена больной бабке захотелось участкового письменно уведомить, что она кошку с нефритовыми глазами у соседа видела? Причем аккуратно через час после того, как потерпевшая заявление о краже принесла?

– Может, совпадение? – пожал плечами Алексей.

– Ага, – кивнул Нефедов. – А спорим на два пива, что у бабки склероз, и она уже забыла, что писала и когда? Первый раз, что ли? Еще ни одного дела до суда не довел...

– Але, мужики, – придвинулся к ним капитан, – мы будем лясы точить или клиента брать?

Могучая фигура в бронежилете, оказавшись на расстоянии вытянутой руки, заслонила половину неба, и Леша Дикулин сразу почувствовал себя маленьким и уязвимым. Хотя недоростком никогда не считался. Впрочем, если зеленоглазый, коротко стриженный Алексей с едва наметившимися усиками, носом картошкой и узкими, словно выщипанными бровями смотрелся рядом с омоновцем поджарым русоволосым подростком, то лысый, розовощекий, упитанный сорокалетний Нефедов выглядел просто колобок-колобком.

– Брать станем, – буркнул следователь, откатываясь чуть в сторонку.

– А ты, видать, тот самый консультант, коего ждали? – Капитан наклонил голову, разглядывая Алексея сверху вниз, как жирафа – прыгающего у копыт воробья. – Чего скажешь, консультант?

– Если есть задний выход, – Дикулин повернул голову к бревенчатому дому, – то его лучше подпереть чем тяжелым или клином подбить. Надеюсь, он закрыт? За ним присматривают?

– Угу, – коротко буркнул омоновец.

– Значит, входить будем отсюда, а с той стороны бойцы пусть просто следят, чтобы дверь и окна не отворялись. Если попытаются открыть, стреляйте по стеклам.

– Коли грохнут кого, отвечать кто будет?

– А он и ответит, – дружелюбно похлопал Алексея по плечу следователь. – Для чего еще нужны консультанты?

– Добре, – кивнул капитан и, натягивая на лицо маску, двинулся к растущему вдоль изгороди барбарису.

– Если у твоего знахаря нет оружия, это будет выглядеть смешно... – пробормотал Сергей Леонидович. – Десять автоматчиков против какого-нибудь старого хрыча.

– Да не мой он! – не выдержал Дикулин. – Не мой, а ваш! Это вы меня из дома выдернули с середины сеанса!

– За такие сеансы тебя лет триста назад быстро бы на костре поджарили.

– Это был просто массаж!

– Ага... Видали мы таких массажистов. Дай только бабу полапать на халяву.

Леша хотел возразить, что работает отнюдь не «на халяву», а за вполне приличные деньги, но вдруг увидел, как под самой стеной дома крадутся ребята в «брониках» с автоматами в руках. Он и заметить не успел, каким образом те просочились сквозь густой барбарис и высокий штакетник. Прижимаясь к стене, они сбоку поднялись на крыльцо, остановились по сторонам от двери.

– Внимание, гражданин Петр, – громко прокашлялся мегафон на крыше автобуса. – Гражданин Петр, говорит участковый пятнадцатого участка Красносельского района. Мы знаем, что вы в доме. Предлагаем вам добровольно выйти и сдать милиции...

С последними словами самый рослый из омовцев – похоже, именно капитан – отделился от стены, встал перед дверью, быстрым ударом ноги вышиб створку и отпрыгнул в сторону.

Алексей замер, вглядываясь в темноту за порогом...

Ничего... Совсем ничего...

Омовцы, выставив вперед автоматы, медленно двинулись внутрь. Дикулин, оглянувшись на следователя, подошел к калитке, запустил за нее руку, оттянул задвижку и направился по выложенной красным кирпичом дорожке к крыльцу.

В доме пахло сеном: мятой, чабрецом, пересохшей осокой и полынью, – и все это Алексею очень не понравилось. Когда в подозрительных местах воняло гнилью и перегаром, он чувствовал себя намного спокойнее. Даже настоящим деревенским знахаркам, собирающим всевозможные травы и варящим целебные настои и зелья, никогда не удавалось выветрить из своих избушек запах обычного человеческого жилья. Ароматы трав смешивались там с благоуханиями борща, мяса, чеснока и лука. А здесь...

Не может человек не пить и не есть, не может он обходиться без пива или хотя бы кофе. Однако воздух здесь был абсолютно сухим, словно этот дом построили исключительно в качестве сушилки, словно в нем никогда не топили плиту, не кипятили чайник. Никогда не сушили белье и не промачивали обуви. Очень странно. Для человека...

Дикулин выждал с десятков секунд в прихожей, давая глазам возможность привыкнуть в темноте, потом шагнул в комнату, которая показалась залитой ярким светом.

Большой стол, закрытый белой скатертью с нитяными кисточками, череп барана на стене с подвешенными на рога травяными метелками, черная кошка на подоконнике, старое зеркало с облупившейся амальгамой и, опять же, парой мочалок по углам. Рядом с люстрой прицеплен китайский «голос ветра» с красными кисточками. Кресло за столом – кисточки на подлокотниках, прочный вычурный стул из красного дерева – на сиденье подушка с точно таким же украшением.

– Метелочник... – негромко пробормотал Алексей.

– Что? – нервно дернулся замерший у окна капитан.

– Метелочник, – пожал плечами Дикулин. – Есть такое течение в современном знахарстве. Они верят, что загрязненная энергия стекает с предметов по матерчатым кисточкам вниз, и таким образом все подвергается самоочищению. Пожалуй, правильнее их назвать экстрасенсами, да только язык поломается склонять... – Леша внезапно ощутил чью-то бесшумную усмешку и настороженно замер, медленно поворачивая голову.

Комната... Большая, светлая, почти пустая комната, в которой негде спрятаться...

Послышался грохот, из двери напротив возник запыхавшийся омовонец:

– На чердаке никого нет, командир. И в кладовке.

– И в дровяной пристройке тоже, – появился еще один. –

Будем полы поднимать?

– Подождите... – вскинул руку Алексей.

– Ну что, массажист? – ввалился в комнату Сергей Леонидович, и помещение вмиг перестало казаться большим. Но все-таки тут по-прежнему оставалось немало свободного места.

– Помолчите секунду... – Дикулин достал с поясной сумки скляночку из-под нафтизина, выдернул бумажную пробку, высыпал на ладонь немного сероватого порошка. – Сидишь ты, чертище, прочь лицом от своей избищи. Поди ты, чертище, к людям в пепелище, поселись, чертище, сюда в избище... – Плавнo поворачиваясь по часовой стрелке, Дикулин сдул с ладони порошок, и в этот момент словно марево дрогнуло перед зеркалом, и там из ничего вдруг проявился скуластый седоволосый мужчина в полосатом махровом халате.

Омоновцы клацнули от изумления челюстями, но сработали четко, метнувшись вперед и вывернув хозяину дома руки за спину. Тот не издал ни звука, но внимательно посмотрел Алексею в лицо, словно запоминая.

– Эк... Он... – издал странные булькающие звуки капитан.

– Глаза он нам отвел, – преувеличенно небрежным тоном сообщил Дикулин. – Похоже, настоящий попался.

– Ну, ты молодец, консультант, – хмыкнул Омоновец и одобрительно хлопнул Дикулина по плечу. – Давайте, хлопцы, волоките клиента в автобус.

Омоновцы с задержанным вышли. Нефедов прокашлялся, двинулся вдоль стены, негромко цитируя по памяти. «Кошка, вырезанная из черного дерева, с двумя глазами из полированного нефрита. Высота статуэтки составляет тридцать два сантиметра, на переносице видны две глубокие поперечные царапины, вдоль спины нанесено пятьдесят семь штрихов, возможно, изображающих шерсть...»

– Знаю! – хлопнул себя указательным пальцем по лбу Алексей. – Вот же она!

Он повернулся к подоконнику, снял с него кошку и... ощутил, как словно в самый мозг вонзился холодный взгляд старика, голова которого пряталась в глубоком капюшоне.

* * *

– У меня для вас неприятное известие, Великие... – Старик вытянул из рукава тонкий шелковый платок и набросил его на хрустальный шар. – Нам больше не следует ожидать помощи от Пустынника.

– Опять! Это уже четвертый, Славутич...

Трех человек, сидящих за огромным круглым столом не менее трех метров в диаметре, отличить друг от друга внешне было совершенно невозможно. Длинные мантии из тяже-

лой парчи, широкие наборные пояса из кости, обширные капюшоны, позволявшие легко укрыть лицо от собеседников. И даже голоса были похожи: тихие, шипящие.

– Ты зря сделал его колдуном, Славутич. Он оказался слишком заметен.

– Сейчас столько магов, Изекиль, что среди них проще затеряться, нежели среди песка морского, – прошелестел первый старик. – Пустынник должен был только смотреть. А кому проще всего спрятать рабов, нежели не колдуну, к которому в день приходят десятки страждущих? Кому проще найти новых друзей, как не колдуну, дающему реальное исцеление или заговор?

– Но мы все равно потеряли Пустынника, – качнулся из стороны в сторону капюшон Изекиля. – А вместе с ним Око, на которое так надеялись.

– Я верну Пустынника, – пообещал Славутич.

– А Око?

– Я пока не ведаю, в чьей оно власти, Изекиль. Ты же знаешь, предметы силы не поддаются простой магии.

– Но они поддаются более простому воздействию!

– Не так просто выкрасть предмет из следственного отдела МВД! Мне понадобится время. Но я попытаюсь сделать так, чтобы они не отдали Око посторонним.

– А если оно окажется в руках Северного Круга?

– Не думаю, чтобы Северный Круг возродился, – на этот раз покачался капюшон Славутича, вторя отрицательным

поворотам головы.

– Думая о будущем, нужно надеяться на лучшее, но готовиться к худшему, Славутич, – поднялся со своего креслаIZEкиль. – Наша встреча принесла мне огорчение, Великие.

– И мне, – согласился Славутич, тоже поднимаясь.

– И мне, – впервые подал голос третий член триумвирата. – На севере у нас случается слишком много неудач.

– Я разделяю вашу заботу, Великие, – вздохнул Славутич. – Но вначале нужно вернуть Пустынника. Я хочу знать, почему он сдался.

С этими словами Великий повернулся спиной к прочим членам триумвирата и направился к отделанному кирпичом узкому ходу, темнеющему в стене. Минут пять он шел по шуршащему под ногами песку, потом повернул на винтовую лестницу, перед которой замерли трое коренастых, совершенно обнаженных плечистых стражников с желтыми глазами, поднялся на два витка и оказался на крохотной площадке, украшенной только человеческим черепом, что нелепо, под углом, выпирал из окаменевшей глины. Старик вложил пальцы в пустые глазницы, и перед ним раздвинулась дверь. Он вошел в светлую кабинку метр на метр, не глядя пошарил рукой слева, нажал кнопку верхнего этажа и начал неторопливо раздеваться: расстегнул пояс, уложил его в длинный деревянный пенал, обитый изнутри сафьяном, поместил на стеклянную полочку под зеркалом. Потом снял мантию, оставшись в светло-коричневом костюме, повесил на крю-

чок. Несколько раз с силой протер ладонями лицо, сбрасывая заклятие на кошачий глаз, пригладил волосы, несколько раз кашлянул, повышая голос с шепота до обычного.

Теперь из зеркала на стене лифта смотрел уже не глубокий старик, а вполне моложавый мужчина, хотя и за пятьдесят, но еще довольно бодрый и крепкий. Только глаза отражали его безмерную усталость – но кто сейчас смотрит в глаза?

Двери лифта разъехались перед комнатой отдыха с диваном, холодильником, небольшим сервантом и электрическим чайником. Негромко напевая, мужчина вышел в нее, повернул налево, толкнул дверь, наклонился к крану, пару раз ополоснул лицо водой и только после этого вышел в служебный кабинет.

Обшитое дубовыми панелями помещение, метров десяти в длину и пяти в ширину, после глубокого подземелья показалось жарким и душным. Мужчина опустился в обитое черной кожей кресло за полированным столом с компьютером и бронзовым письменным прибором, нажал кнопку селектора:

– Зинаида, ты на месте?

– Да, Вячеслав Михайлович.

– Соедини меня со Степашиным. Тем, который сейчас куратором силовых структур в правительстве.

– Слушаю, Вячеслав Михайлович...

Кивнув, хозяин кабинета оперся локтями на стол, опустил голову и с силой потер указательными пальцами точки в сантиметре перед ушами.

– Устаю... Я начал уставать... Неужели старею? Или Москва действительно сделала все, что могла?

Селектор мелодично тренькнул:

– Вячеслав Михайлович, Степашин на проводе.

Мужчина резко выпрямился, снял трубку:

– Сергей Вадимович? Это Скрябин, из администрации президента. Помните такого? Вот и хорошо. На нас вышли ваши коллеги из Штатов. Фэбээровцы давно ищут одного террориста, а он, оказывается, сегодня задержан у нас в стране, в Питере. Причем по какому-то мелкому правонарушению. Если не ошибаюсь, скрывался он в Красном Селе... Да, Сергей Вадимович, они очень хотят его получить... Нет, документов пока никаких не прислали, но вы примите, пожалуйста, меры, чтобы этого типа сегодня же перевели в Москву. По признанию янкесов, задержанный очень опасен. Позору не оберемся, коли сбежит из изолятора для обычной шпаны. Хорошо, Сергей Вадимович, я рад, что вы меня поняли. Да, и обязательно поощрите всех, кто участвовал в задержании.

Санкт-Петербург, СИЗО № 7.

12 сентября 1995 года. 16:40

– Стоять! Лицом к стене! Ноги раздвинуть! Шире! – Конвоир расстегнул наручники задержанного, после чего открыл тяжелую железную дверь камеры: – Заходи, здесь пока посидишь. Захочешь чего следователю рассказать – стучи, выпу-

стим.

Арестант, вздернув плечи, отступил от стены, повернулся, шагнул в камеру и только здесь наконец-то смог поправить сползший почти до локтей халат. Его появление было встречено взрывом хохота:

– Гляди, банщика привели! Чего, лох, с кровати сняли? Ничего, здесь допаришься!

В камере размером метров двадцать и вправду было влажно, как в парной. Здесь стояли семь двухъярусных кроватей, а обитателей, казалось, было больше, чем спальных мест. Надышать они успели до такой степени, что теперь сами же сидели в майках, тельняшках, а то и вовсе раздевшись по пояс, но все равно обливаясь потом. К тому же в камере было явно скучновато, и на появление новенького отреагировала почти половина обитателей, сгрудившись вокруг арестанта в махровом халате.

– А может, это платье, мужики? – один из заключенных наклонился, задрал полы халата. – Какие у тебя ножки, цыпочка. Может, станцуешь, крошка?

– Пляски? – Новый арестант усмехнулся. – Пляски я люблю, арнани, хома неб, неб, шуги аллахар... – Окончание последнего слова он не произнес, а скорее выдохнул, подняв указательный палец правой руки над головой и совершая им вращательные движения. Подошедший к нему зэк качнулся, наскочил на соседа и моментально ощерился:

– Ты чего, ослеп? Куда прешь! – Он от души смазал реб-

ром ладони товарищу по шее.

– Ах ты, шлемазл пархатый... – Полуголый брюхатый сокамерник ответил прямым в челюсть.

– Куда?! Ах ты, с-с-сука! Сюда смотри...

Плотно скопившиеся арестанты не могли не задевать друг друга в этой толчее, но сейчас случайные соприкосновения стали бесить их до безумия, до непреодолимой ненависти, вполне понятной в столь стесненных условиях. Замелькали кулаки, налились кровью глаза...

Прижимаясь спиной к сальной стене, одетый в халат арестант обогнул вспыхнувшую перед дверью жестокую драку, добрался до ближайшей свободной койки, уселся на нее и встретил перепуганный взгляд старика, сидящего напротив.

– Почему сидишь? – удивился новенький.

– Кто ты? – перекрестившись, спросил старик. – Именем Господа нашего, Иисуса Христа, спрашиваю...

– Мне сегодня не до того... – Качнулся к нему арестант в халате, вскинул руки со сжатыми в щепоть пальцами, резко развел их в стороны: – Катанда хари, алдо, хаш-хаш...

Старик замер, бессмысленно глядя перед собой. Новенький взял его за затылок, заставил встать, подвел к стене и с силой толкнул. Старик врезался лбом в стену, отшатнулся, снова врезался, на этот раз уже сам, отшатнулся, врезался...

Новенький улегся на его койку, вытянулся во весь рост и закрыл глаза.

Снова он поднялся только через три часа, когда железно

громыхнул засов на двери. В камере к этому времени стало почти тихо. Зэки давно устали мутузить друг друга и, окровавленные, вымазанные в слюнях и соплях, валялись на полу, лишь изредка, из последних сил пиная тех, кто поближе. Только старик продолжал мерно стучаться головой о стену.

– Что здесь случилось? – после минутного замешательства поинтересовался надзиратель.

– Не знаю, – пожал плечами новенький. – Я все время спал.

– А кто ты такой?

– Потомственный маг и ясновидящий Петр, – кивнул заключенный.

– Тогда ладно, – облегченно вздохнул надзиратель, понимая, что отвечать за наличие телесных повреждений у заключенных ему не придется. – Давай, маг, поднимайся. С вещами на выход.

*Ленинградское шоссе, участок между Будилово
и Выдропужском. 13 сентября 1995 года, 02:25*

Светло-голубой «Москвич», включив левый поворот, притормозил на реверсивной линии трехполосного шоссе, пропустил встречный «Камаз», щедро груженный щебнем, развернулся и отъехал на обочину. Фары и габаритные огни погасли, перестал виться сизый дымок из выхлопной трубы. Хлопнули дверцы, на дорогу вышли трое молодых людей. Джинсы, легкие куртки, футболки – эти парни лет двадцати

ничем бы не отличались от тысяч сверстников, если бы не ярко-желтые, как подсвеченный янтарь, глаза со сдвоенными точками зрачков. Они вышли и замерли, глядя в сторону далекого Новгорода.

Несмотря на глубокую ночь, машины мчались по трассе одна за другой, ударяя по «Москвичу» слепящим «дальним» светом. Катафоты машины отвечали красными отблесками, глаза парней – желтыми, но никто из водителей не обращал внимание на странную троицу. Ну, желтые глаза и желтые. Может, желтуха у людей! И без того у каждого дел хватает. Столица рядом. А она, как известно, подобно горькому тонику, спокойно жить не дает. Это в провинции все можно делать с ленцой, никуда не торопясь, поглядывая на неспешно плывущие облака, мечтая об утренней или вечерней рыбалке, о кружке парного молока и мягкой постели. Но стоит человеку попасть в Москву – и он забывает цвет неба, мерное течение реки, вкус свежее испеченного хлеба. Он словно электризуется аурой нетерпения, он суетится, спешит, он забывает о сне и отдыхе, он не знает покоя, он занят, занят, занят...

– Пора, – негромко произнес один из парней.

Второй кивнул, повернулся к багажнику, открыл.

– Будь осторожен, гамаюн голоден, – предупредил первый.

– Знаю... – Второй, удерживая за горло и лапы, вытащил из темноты птицу размером с петуха, но с длинным, как у павлина хвостом и крыльями, собранными из таких же длин-

ных, как на хвосте, пушистых перьев. Птица забилась, сдавленно каркая – парень локтем захлопнул багажник, посадил ее сверху, чуть наклонился, вперясь зрачками в глаза птицы: – Арха-а-а... Арха-а, гамаюн, арха-а...

Он пару раз каркнул на птицу, снова зашипел:

– Арха-а-а... Арха-а-а...

Наконец гамаюн перестал биться, замер, уткнувшись кривым клювом чуть не в самые янтарные глаза. Парень разжал руки – птица не шелохнулась.

– Га-а... ма-а... ю-ю-юн... – тихо пропел он, вбивая глухой, хотя и колдовской птице нужный образ.

Мир словно пошел рябью, успокоился, но на дороге стоял уже не простенький «Москвич», а приземистый, вытянутый «Форд», с синей полосой от носа до кормы, с надписью «ДПС» на дверце и проблесковыми маячками на крыше. Молодые люди непостижимым образом оказались в милицейской форме, с яркими белыми портупеями, автоматами за спиной и полосатыми палочками в руках. Даже глаза у всех троих из желтых стали светло-голубыми. Правда, зрачки в них по-прежнему оставались двойными: один большой, и еще один маленький, чуть ниже главного.

На превращение ни одна из проносящихся мимо машин опять же не отреагировала. Все водители вдосталь насмотрелись в своей жизни и на «Москвичей», и на гаишников. Насмотрелись так, что мимо вторых предпочитали проноситься, отвернувшись в сторону, дабы не привлекать лишне-

го внимания.

Один из новоявленных милиционеров вышел вперед, взглядываясь в набегающий поток транспорта, неожиданно вскинул палку, ткнул на похожую на зубило вишневую «восьмерку», затем указал жезлом на обочину. Машина послушно затормозила, вильнула в сторону.

– Инспектор Серегин, – козырнул милиционер. – Покажите ваши документы, пожалуйста.

– А что случилось? – поправив очки, выглянул из окна круглолицый, коротко стриженный водитель лет тридцати в светлом плаще.

– Красная машина модели «Ваз 2108», – пожал плечами инспектор. – У нас таких в угоне около двухсот числится. Поэтому попрошу предъявить документы и открыть капот. Я хочу сверить номера кузова и двигателя.

– Вот, черт! Ну, почему среди ночи? Меня жена уже ждать, наверное, перестала... – Тем не менее водитель дернул рычаг замка капота, вышел из машины, протянул техпаспорт.

– Та-ак, – инспектор поднял капот, подпер его штангой. – Давайте смотреть. Номер кузова... Совпадает. Номер двигателя... Ничего не разобрать. Чего это он у вас такой грязный?

– Вот, блин... Сейчас, тряпку возьму... – Водитель скинул плащ, сунул его в открытое окно передней дверцы, оставшись в темном свитере. Отошел к багажнику, спустя

несколько минут вернулся с тряпичей размером с носовой платок, полез под капот.

В этот момент второй инспектор, сдвинув автомат вперед, вскинул жезл и, выйдя чуть не на середину дороги, указал им на черную «Волгу» мчащуюся с включенными желтыми противотуманными фарами на бампере. Послышался визг тормозов, машина вильнула к обочине. Стекло водительской дверцы поползло вниз:

– Ты чего, одурел, служивый? Я же тебя чуть не снес! – в окне забелело открытое удостоверение с фотографией, печатями и размашистой подписью: – ФСК!¹¹ Отходи, мы торопимся.

– Я в ваших бумажках ничего не понимаю, – мотнул головой инспектор и демонстративно снял автомат с предохранителя. – Знаю только, что наркоту и оружие как раз под таким прикрытием возят. Откройте багажник, пожалуйста.

– Ты чего, сдурел, служивый? – опешил водитель. – Да ты знаешь, с кем связываешься? Тебя же завтра собственное начальство с говном сожрет!

– Предъявите машину к осмотру. – Милиционер отступил и, широко расставив ноги, положил руку на затвор.

– Ну, родной, ты напротился... – Дверь распахнулась, на асфальт выскочил двухметровый верзила в кожаной куртке. Тут же коротко лязгнул передернутый затвор:

– Медленнее себя ведите, гражданин, – сухо потребовал

¹¹ Федеральная служба контрразведки. В 1995 году переименована в ФСБ

инспектор.

– Ладно, служивый, я тебе багажник покажу. Но только завтра лично к вам в батальон приеду. Посмотрю, как ты перед начальством запоешь.

В этот момент первый милиционер вдруг схватил водителя «Жигулей» за шею чуть ниже затылка, с силой сжал пальцы, выдергивая жертву из-под капота, хлопнул ладонью по глазам и толкнул в сторону обочины:

– Беги!

И водитель побежал. Завывая от страха и не понимая толком, что он делает, бедолага перепрыгнул придорожную канаву, плеснув водой, на четвереньках забрался на противоположный склон, ринулся к березовой роще, белеющей в полусотне метров.

– Бежит! – вскрикнул второй инспектор.

– Бежит! – тем же тоном отозвался фээскашник, развернулся к жертве, рванул из-под мышки пистолет, передернул затвор.

– Уйдет! – Повернул лицо к машине инспектор.

– Уйдет! – Распахнулись задние дверцы, и наружу выскочили еще двое крепких ребят с пистолетами в руках. Тихо, словно хлопки из неисправного карбюратора, застучали выстрелы трех «макаровых». Водитель за придорожной канавой упал, поднялся, сделал два неуверенных шага, снова упал. Тем временем с заднего сиденья «Волги» наружу выбрался мужчина в полосатом махровом халате и, поглубже

запахнувшись, пошел к «восьмерке». Инспектор заботливо приоткрыл ему дверцу, и мужчина сел за руль.

Водитель привстал, зашарил руками в траве, нашел очки, надел их на нос и снова рухнул. Тело стало мелко подрагивать.

– Костя, проверь!

Фээскашник, стоявший ближе к обочине, спрятал оружие, разбежался в два шага, перемахнул канаву, подошел к беглецу, перевернул на спину, приложил руку к шее:

– Готов. – Он вытер пальцы о траву и пошел назад.

– Едри твою налево, – сплюнул тот, что отдавал команду. – Всего сотню верст не довезли. Как теперь доложим?

Конвоиры забрались обратно в салон – с проворотом взвизгнули покрышки, срывая машину с места, и «Волга» умчалась в сторону Москвы.

– Скорее, – открыл инспектор дверцу «восьмерки». – Скорее, Пустынник, гамаюн голодный.

Спасенный из-под ареста мужчина выбрался наружу, быстрым шагом перебрался через канаву, вымочив полы халата почти до пояса, опустился на колени рядом с убитым, прижался губами к губам, с силой выдохнул, потом опустил руки на грудь, несколько раз толкнул, снова выдохнул в рот, еще раз толкнул сердце. Разумеется, искусственное дыхание не могло вернуть застреленного к жизни – но маг добивался совсем другого.

– Скорее! – крикнули с шоссе. Там опять поползла рябь.

Патрульная машина исчезла, истаяла форма, оружие инспекторов. Стало видно, как на багажнике «Москвича» вьется схваченная за горло и лапы птица. – Скорее, я не смогу его долго держать!

Пустынник снова прикоснулся губами к губам мертвеца, но на этот раз он не выдыхал, а втягивал в себя воздух. На мгновение губы осветились бледно-зеленым светом, и маг облегченно выпрямился. Тут же, скребнув когтями по железу, птица гамаюн прыгнула на землю. Захлопав крыльями, она перемахнула канаву, волоча за собой переливающийся всеми оттенками желтого шлейф перьев, опустилась на мертвеца и начала торопливо расклевывать лицо.

– Жена, сын, дача, квартира из одной комнаты, – буркнул Пустынник, выбираясь обратно на дорогу. – Не могли кого получше найти?

Он швырнул намокший халат прямо на дорогу, вытянул из «восьмерки» плащ, накинул на плечи.

– Хозяин приказал освободить немедленно.

– Ладно, – кивнул маг. – Обойдусь пока этим.

– Хозяин приказал вызвать его, как найдешь приют.

– Не приказал, а попросил, – поправил парня с янтарными глазами Пустынник. – Мне он не хозяин. И поторопи птицу. Я думаю, ваше наваждение слетит со смертных минут через десять, и они примчатся за трупом.

– Гамаюна никто не может торопить, – покачал головой парень. – Пока он не выключит весь мозг, не вернется. Он лю-

бит живой мозг. А захочешь помешать – такой морок навешает, во веки вечные не выберешься. Будь ты хоть смертный, хоть знахарь, хоть сам Великий.

– Может, ему тогда помочь?

– Не нужно, Пустынник. Пока он не поест, к нему лучше не подходить.

Маг пожал плечами, пошарил по карманам плаща.

– Вот они, – протянул документы убитого желтоглазый парень.

– Метелкин Анатолий Сергеевич... – Открыл права маг. – Смешно. Адрес: Москва, Большая Академическая. Никогда не слышал. Что же, побудем немного Метелкиным. Надеюсь, недолго. Мне перестало нравиться в здешних землях.

Оседлавшая мертвеца птица каркнула, подняла голову, взмахнула крыльями и выдала длинную переливчатую трель неожиданно приятным звонким голосом. Пожалуй, тот, кто слышал ее голос, но не видел трапезы, действительно мог счесть гамаюна райской птицей. Потом она, помогая себе редкими взмахами, направилась назад к шоссе и вскоре без посторонней помощи вернулась обратно на багажник.

– Тебя на сколько заговаривать, Пустынник? – поинтересовался парень. – Месяца хватит?

– Хватит, – кивнул маг.

– Арха-а-а... Арха-а, гамаюн, арха-а... – снова зазвучало в ночном воздухе, и на этот раз райская птица отозвалась почти сразу. Лицо мага начало округляться, волосы потем-

нели, стрижка стала короткой. Чуть выпятился живот, посинели глаза, ссутулились плечи. Пустынник нарисовал перед собой пальцем два ободочка, прямо из воздуха вытянул очки в тонкой металлической оправе, посадил их на нос, поправил. Посмотрел на свое отражение в стекле, кивнул.

Молодые люди с янтарными глазами открыли багажник, небрежно запихнули в него колдовскую птицу. Сами, не прощаясь, забрались в салон. «Москвич», пару раз мигнув левым поворотником, выехал на асфальт и начал разгоняться. Пустынник же, спрятав в карман документы, уселся в «восьмерку» и задумался, пытаясь разобраться в произошедшем за долгий, долгий день.

Ведь он всего лишь наблюдал. Пожалуй даже, еще не наблюдал, а только собирался. Готовился, ждал, когда придут первые смертные со своими глупостями, потом другие. Потом о нем услышат те, кто интересен, он повисит плату и приходить станут только избранные из смертных. Око позволяет не задавать вопросов. Оно само видит насквозь любого смертного, его знания, надежды, помыслы. Главное – чтобы кто-то из нужных людей пришел с любой пустяшной просьбой и ненадолго остался перед Оком. И вдруг... Ни Ока, ни знаний. Полицейские не просто вломились, они привели с собой колдуна и святош, не дав ни отвести глаза, ни спасти самое ценное из своего имущества. Еще ни разу он не попал в столь глупое положение.

Что же теперь будет? Он согласился на предложение мест-

ного Круга за весьма высокую плату: три черепа первых арийцев. Настоящих ариев, потомки которых едва ли не перемешались со всеми людьми мира – у большинства земного населения их кровь уж точно имеется в какой-то примеси. Имея черепа первых ариев, Пустынник сможет не охотиться за плотью смертного, если вздумает произвести магический обряд, он использует вместо волос, ногтей или крови просто крупинки костной смеси. Хорошая цена за несколько месяцев работы. Но ведь никто не предупреждал его, что работа окажется столь опасной!

Пожалуй, местный Круг обязан компенсировать ему потери. Хотя бы частично. И они обязаны найти и вернуть Око! Ведь оно единственное на всей планете. Второго подобного предмета не существует.

Вдалеке показались желтые огоньки, стремительно выросли, превратившись в противотуманные фары. Послышался визг тормозов, и со встречной полосы вывернула, едва не вылетев в придорожную канаву, черная «Волга».

– Где он?

– Да вон, в траве валяется.

– Менты, естественно, уже смылись.

– Ты хоть номер их машины запомнил?

– А ты?

Ругаясь и громко переговариваясь, рослые ребята полезли через канаву, столпились возле тела.

– Ты смотри, его уже крысы пожрали!

– Блин, с собой брать надо было. Чего ты уехал?

– А чего ты сразу не сказал?

– Как-то из головы вылетело. Понервничал я, понимаешь?

– В рапорте чего писать станем, мужики? И это... Сюда вызывать кого нужно, или просто с собой жмурика заберем?

Что решат для себя его конвоиры, Пустыннику было совершенно безразлично. Он завел машину, включил ближний свет, вывернул на трассу и нажал на педаль газа. В зеркале заднего вида остались стоящая носом к обочине «Волга» с включенными фарами и несколько мужчин, копошащихся в их свете. Пустынник снисходительно усмехнулся, покачал головой:

– Смертные...

Москва, Большая Академическая улица.

13 сентября 1995 года. 04:45

Нужный дом Пустынник узнал без труда. Самые поверхностные воспоминания, вытянутые из мертвых душ, всегда наиболее яркие. Он помнил внешний вид дома и квартиры, помнил, когда купил машину и впервые увидел розовую ряху начальника. Помнил имена жены и сына. Но вот даты их рождений, свой номер телефона, наличие бабушек и дедушек – тут в памяти царила пустота. Может, их и нет никого?

Припарковав «восьмерку» у пятой парадной, маг поднялся на третий этаж, остановился перед железной дверью, мысленно еще раз проговорил:

– Метелкин Анатолий Сергеевич, – и вставил ключ в замочную скважину.

Метелкин Анатолий Сергеевич осторожно шмыгнул в прихожую, притворил за собой дверь. Не включая свет, скинул с себя ботинки, повесил плащ на вешалку и направился в кухню.

– Это ты? – хлопая заспанными глазами, вышла сюда же жена, зябко подтягивая к самой шее ворот короткого шелкового халатика. – Чего так долго?

– Менты тормознули, – небрежно пожал плечами Анатолий. – Решили, что машина в угоне. Еле отвязался.

– А чего у тебя с голосом?

Пустынник вздрогнул: вечно проблема с этими женщинами! Даже морок, наведенный гамаюном, и то ухитряются распознать. Казалось бы, райская птица способна копировать все в точности – а ведь все едино неладное чуют.

– В горле пересохло... – Маг вскинул к ее лицу сжатые в щепоть пальцы, резко развел их в стороны: – Катанда хари, алдо, хаш-хаш...

Женщина замерла. Как была – с полуоткрытым ртом, глядя перед собой, с одной рукой у ворота, а другой – слегка опущенной вниз.

Ее новый муж открыл холодильник, достал поддон с кубиками льда, вытряхнул все прямо на стол. Потом соскреб снизу с морозильника снег, бросил туда же. Начал леплять из снега и прозрачных кубиков нечто, похожее на шар.

– Так, вроде держится. Теперь... – Он покрутил головой, выдвинул ящик, достал нож. Проковырял в получившемся шаре выемку глубиной сантиметра в два. – Теперь нам нужно...

Маг подошел к женщине, примерился, чиркнул ножом ей по пальцу. Порез моментально покраснел, на нем выступила кровь, несколько капель скатились вниз. Пустынник ловко поймал их точно в выемку, затер сверху снежной крошкой, посмотрел на свет: вроде разошлось. Заглаживая стыки, колдун еще раз обтер поверхность получившегося шарика руками и сунул его в морозилку.

– Как тяжело потерять все, – покачал он головой. – Элементарную вещь приходится на суррогаты менять.

Ожидая, пока «суррогат» застынет, он прошел из угла в угол, остановился перед женщиной. Выдернув ворот из сжатой руки, он развел в стороны полы халата, окинул взглядом скрытое под ним обнаженное тело, удовлетворенно хмыкнул: вроде хоть с этим повезло. Он помял упругую, совсем не отвисшую грудь, скользнул рукой по бедрам, запустил пальцы в пушок внизу живота. Однако ласкать бесчувственную статую быстро прискучило – маг запахнул на жене халат, отступил к окну. Окна выходили во двор, в самые кроны деревьев, и различить что-либо за листвой было совершенно невозможно.

– Ладно, будем считать, что хватит...

Пустынник достал ледяную сферу из холодильника, по-

ставил ее на стол и наклонился, вглядываясь в искрящиеся под лампой грани.

– Славутич?.. – Он не увидел, а ощутил присутствие за сверкающей поверхностью здешнего мага, прячущегося в темноте, тут же протянул руку и выключил бра: нечего показывать лишний раз, где находишься и что творится вокруг.

– Ты цел, Пустынник? – прошептал старик, соблюдая вежливость. В старину почему-то считалось, что произнесенное шепотом заклинание слабее выкрикнутого в голос, и с тех пор маги общались именно так. Дабы собеседник не заподозрил, что в твоей речи спрятано злое заклятие. – Почему ты так легко сдался?

– Были обстоятельства, которые скрещивались чуть не перед глазами...

– Перестань, Пустынник, – перебил его местный Великий. – Мы говорим не по телефону, нас никто не подслушает. Выкладывай все как есть.

– Я заметил на улице топорников, а полицейские вломились под прикрытием колдуна. Мне было некуда деваться.

– Тебя выследили топорники? Как?

– Как?! – разозлился Пустынник. – Вы уверяли меня, Великие, что мне нужно всего лишь посидеть на окраине и прощупать, что в городе странного. А на меня уже через неделю напали и смертные, и топорники, и еще какие-то колдуны! Меня либо выдали, либо в Петербурге намного опаснее, чем вы говорили! Я требую компенсации! Я потерял...

– Ты не справился с простейшей задачей и требуешь компенсации? – Не расслышать в голосе Славутича насмешки не смог бы и глухой. – Впрочем, у Круга может быть иное мнение. Когда ты отчитаешься перед ним, тогда и решим. Я вытащил тебя на волю, если ты заметил. Отдыхай.

«Отдыхай!» Пустынник схватил со стола шар и со всей силы швырнул его в стену, расколов в мелкую ледяную крошку. Старый местный колдун ухитрился парой фраз пнуть его по всем больным местам. Надсмеясь над потерями, попрекнул неумением, отказал в компенсации и намекнул, что это именно он находится перед Кругом в долгу! Проклятый маразматик.

Маг повернулся к тупо таращившейся женщине и со всего замаха влепил ей пощечину. Потом еще одну. Та лишь чуть покачнулась, как безмозглый магазинный манекен. Смертная...

Пустынник отвернулся, кивнул своему отражению в окне: там стоял не круглолицый тридцатилетний мальчишка, а взрослый, солидный мужчина, умеющий переносить неприятности и возвращать полученные удары. Отыгаться на Славутиче он, конечно, не сможет: магическая защита Великих слишком прочна даже для него. Но если хорошенько оглядеться и терпеливо выждать момент – всегда найдется пробоина в самой прочной брешу. А пока и вправду можно отдохнуть.

Он легонько стукнул женщину по глазам тыльной сторо-

ной ладони:

– Ахнап!

Жена вскрикнула, схватилась за палец:

– О господи, Толя! Я обо что-то порезалась.

– Ерунда, царапина. У тебя есть пластырь?

– Да, сейчас достану. Ой, и щека почему-то болит. Отлежала, наверное. Надо будет теперь на другой бок лечь. Иди, Толя, раздевайся. Я сейчас, быстро.

* * *

Славутич же, отодвинув шар, откинулся на спинку кресла и зажмурился от блаженства, купаясь в теплых потоках, что струились от камня, на котором лежала круглая столешница. Он чувствовал, как эти потоки смывают с тела усталость, уносят грязь, хвори, годы...

– Ты здесь, Великий?

– Да, Унслан, – не открывая глаз, кивнул старик.

– Я вижу, ты любишь проводить здесь время. – Второй член триумвирата занял свое место за столом. – Тебе не скучно сидеть в темноте?

– В темноте? – удивился Славутич. – А разве ты не чувствуешь? Разве ты не видишь света, что идет от камня? Унслан, я помню, что, согласно клятве, я должен буду отдать свое место тому, кого выберет Изекиль, равно как это сделал Ахтар, вместо которого наш третий Великий поставил тебя.

Но ведь вы не можете быть чужаками, ты не можешь. Иначе тебя не принял бы ни Круг, ни камень. Ты сын этой земли – так неужели ты не чувствуешь?

Старик открыл глаза и, наклонившись вперед, положил на столешницу ладони с растопыренными пальцами:

– Этого камня руки человека коснулись впервые тысячи лет назад. Он помнит кровь жертвенных петухов, пламя ритуальных костров. Он помнит первые стоны и первые молитвы, он помнит, как над ним вырастал город. Неужели ты не чувствуешь, Унслан? Это сердце нашего города, это сердце нашей страны. Люди со всех сторон света помнят о Москве, желают ей могущества, и мысли, помыслы их собираются здесь. Это дань человеческих душ. Или ты думаешь, маги моего клана каждую неделю собираются здесь просто так? Хотя бы попробуй, Унслан. Это живая энергия. Это энергия живых душ, она куда сильнее мертвой. Я знаю, твоим учителем был Изекиль. Он пришел с запада и привык забирать энергию у мертвых. Чем больше людей умирает вокруг, тем сильнее он становится. Он любит убивать, убивать тысячами. Но ведь ты сын здешней земли, Унслан! Попробуй пить живую энергию, и ты увидишь, каков путь истины.

– Если мой учитель столь плох, Славутич, зачем ты заключил с ним сделку? – возразил молодой Великий, поглубже натягивая капюшон.

– Я был слаб, – пожал плечами старик. – Я лишился силы и воли, я потерял друзей, я питал ненависть и зависть, я хотел

сделать как лучше. Но моих сил хватило ненадолго. Я начал уставать. Однако это не значит, что я стремлюсь попасть в руки падальщика.

– Но ты дал клятву!

– И пока я ее не нарушил... – покачал головой Великий.

– Да... – согласился его более молодой собеседник и после небольшой паузы поинтересовался: – Скажи, Славутич, почему мой учитель так стремится проникнуть в Петербург? Ведь это больше не столица. Из него нет ни магического, ни обычного влияния.

– А разве Иезекиль не рассказывал тебе о пророчестве? – Старик вздохнул. – Интересно, чему же он тогда вас учил? Этому пророчеству всего два столетия. Его дал безумный старик, святой Ипатий из Читы. Он предрек, что в году две тысячи четвертом от рождества Христова придет на трон русский дочь восходящего солнца. «И отверзнуца небеса, и станет диаволово небесным, а небесное диаволовым. И возопят дети во чревах, не желая выходить на свет божий, и заплачут мертвые от жалости к живым. Падет Русь великая к ногам иноземным, и развеется память о святой земле в пыли подорожной. Погаснет навеки свет благой над могилами предков, коли не явится со столицы севера белый витязь и не заслонит собой престол от черной нечисти». Вот так, Ун-слан. Девять лет осталось до исполнения пророчества.

– Или его неисполнения, – понимающе кивнул молодой член триумvirата. – А столица севера – это Санкт-Петер-

бург. Понятно. Но ведь именно ты вместе с Изекилем истребил весь Северный Круг до последнего мага.

– С тех пор прошло семьдесят лет, Унслан. – Славутич сложил руки на груди. Он успел успокоиться, и голос его снова звучал тихим, вкрадчивым шепотом. – Круги Великих умеют не только умирать, но и возрождаться. Если алтарь круга намолен и сохранил энергетику, если люди не забыли столицу и удерживают ее в памяти своей, то возрождение может случиться в любой момент. Достаточно легкого толчка.

– Какого? – не удержался от любопытства Унслан.

– Какого... – На сей раз Славутич замолчал надолго, поглаживая шершавый стол, выпиленный из цельного дубового ствола. – Какого... Семь лет назад устал Великий Ахтар, и ты занял его место. Но ты не желаешь принимать энергию нашего алтаря, и влияние нашего Круга стало слабеть. Энергия ведь не идет в одну сторону, Великий. Люди делятся ею с нами, напитывая наши силы, а мы своею силой собираем вокруг себя страну. Ахтар ушел, Круг не получил замены, и границы начали осыпаться. Я не знаю, может быть, Изекиль хотел именно этого, но все семь лет мы не получаем из Петербурга ничего. Он больше не наш, он замкнулся. И если там оказался достаточно сильный маг, родившийся на русской земле, Северный Круг вполне мог возродиться. Если это так, к две тысячи четвертому году белый витязь из Петербурга вполне способен заслонить трон. Вряд ли это понравится Великому Изекилю.

– Какое приятное открытие. Оказывается, Великий Славутич решил помочь мне в воспитании ученика? – Третий член триумвирата пересек зал и сел за стол. – Продолжай, мне тоже интересно услышать что-нибудь новое.

– Из нового могу сказать, Великий Изекиль, – старик нагнул капюшон, – что я вытащил Пустынника из СИЗО и наш гость уже в Москве.

– А Око?

– Око осталось в Петербурге.

– Это плохо. – Изекиль вздохнул. – Я думаю, оно опасно. Оно может попасть в руки врагов. Того же Северного Круга, если он действительно возродился.

– Я сделал кое-что, Изекиль. Теперь тамошний следственный отдел очень долго не отдаст его кому бы то ни было.

– Я верю тебе, Славутич, – блеклые пальцы третьего Великого крепко сжали подлокотники кресла, – но мне очень не хочется рисковать. Насколько я помню, Око позволяет заглянуть в душу любого существа и познать все его тайны. Что будет, если маги Северного Круга все-таки доберутся до него и используют против нас?

– Северного Круга не существует, Изекиль. Мы уничтожили его до последнего знахаря.

– Да, славное было время, – сладострастно втянул в себя воздух Великий. – Под нож ушли все: от великих мудрецов до последнего астролога и предсказателя. Но с тех пор прошло семьдесят лет. На севере подросли новые маги. Я даже

могу назвать десяток имен юных умельцев.

– Половина из которых уже успели продать тебе душу.

– Да, это так, Славутич. Они знают, кому будет принадлежать мир в следующем веке. Сколько можно цепляться за прошлое?

– Так чего же ты боишься, Изекиль?

– Того, что глупцы, пользуясь Оком, смогут распознать тех, кто предан лично мне. Ты обманывал меня уже дважды, Славутич. Обманул с тем чахлым семинаристом, обманул с южной жатвой. Я не хочу попасться в ловушку третий раз.

– Заключая с тобой договор, Изекиль, – погладил стол Славутич, – мы с Ахтаром обещали отдать тебе свои места, а не души людей. Мы не торгуем мертвечиной.

– Ты вовремя вспомнил про Ахтара, друг мой, – Великий сложил руки на груди. – Я терпелив, я умею ждать. И вот уже Ахтар устал, и вместо одного места в Круге я имею два. А ты – только одно. И тебе больше не удастся переломить судьбу. Ваше время ушло, старик. Люди умирают всегда. Чем больше их рождается, тем больше умирает. Они любят умирать. Умирать сами и убивать других. Поэтому я всегда буду сильнее вас, старики. И не забывай, что именно я поддерживаю магическую защиту Круга. У тебя на это уже очень давно нет возможности.

На этот раз Славутич не ответил, и в обширном подземном зале надолго повисла тишина.

– Скажите, учитель, – наконец разорвал ее Унслан. – Если

у вас есть на севере слуги, почему не поручить им разузнать про Северный Круг?

– Все не так просто, – ответил Изекиль. – После ухода Ах-тара, после появления в Петербурге этого странного профессора северяне совсем перестали молиться Москве. Мы теряем не только энергию, но и уверенность в преданности севера. Тамошние слуги не могут сообщить ничего внятного. Либо Северного Круга действительно нет, либо... Либо он слишком хорошо прячется. Северные маги моего клана слабы, а более опытные, которых мы посылали от имени нашего Круга, почему-то всегда пропадают. О Пустыннике Славутич хотя бы успел вовремя узнать. Но теперь в Петербурге осталось Око... Нет! – решительно закончил он. – Ока нельзя оставлять северянам. Это слишком опасно.

– Оно уже там, – напомнил Славутич.

– Ничего, – успокоил его Изекиль. – На Око у моих слуг силы хватит.

Санкт-Петербург, Заставская улица.

Следственный отдел МВД.

13 сентября 1995 года. 11:35

– А-а, массажист, – поднял Нефедов голову на вошедшего Дикулина. – Ну, садись. Помнишь, мы вчера на два пива спорили, что так просто дело не кончится? Вот полюбуемся, сегодня экспресс-почтой принесли.

Следователь протянул Алексею толстую книгу в глянце-

вой обложке.

– Что это?

– Каталог, из «Маяковки»,¹² принесли по моему запросу, которого я не посылал. Вот, открываем на закладочке и читаем. «Кошка, вырезанная из черного дерева, с двумя глазами из полированного нефрита. Высота статуэтки составляет тридцать два сантиметра, на переносице видны две глубокие поперечные царапины, вдоль спины нанесено пятьдесят семь штрихов, возможно, изображающих шерсть». Буква в букву, как в заявлении потерпевшей. Получается, она приметы своей пропажи из каталога искусствоведческого списала?

– Так, может, это ее кошка в каталоге и записана?

– Ага, счас, – кивнул Сергей Леонидович. – Читай, там ниже фотографии владельца указан. Майк Торсен, Калифорния. На однофамилицу нашей хозяйки антикварного магазина никак не тянет. И что мне теперь делать? Моя потерпевшая уже не потерпевшей оказывается, а черт знает кем. Мошенница не мошенница, вор не вор. Придется теперь запрос в Штаты посылать, а котяру эту нефритовую пока вещдоком оформить.

Дикулин поднял глаза на черную деревянную кошку, что возвышалась на сейфе. Секунду поколебался, потом протянул руку и коснулся ее лба.

И опять словно искра ударила через пальцы, и цепкий взгляд пробил сознание до самого доньшка:

¹² Маяковка – библиотека имени В. Маяковского.

– Значит, это ты смог одолеть Пустынника? – услышал он удивленный шепот и торопливо отдернул ладонь.

– Что ты там вошкаешься? – недовольно поинтересовался Нефедов. – Давай садись, протокол за понятого заполняй.

– Чего писать?

– Как всегда. Зашел, увидел, никто не прикасался. Приметы или с книги, или из заявления спиши.

– Сейчас...

В кабинете следователя на десяти квадратных метрах стояли целых два стола, два сейфа и шкаф, а потому притулиться для заполнения бумаг было обычно негде, но в этот раз Алексею повезло: сосед Нефедова отсутствовал, и Дикулин, нахально усевшись в его кресло, заполнил бланки быстро и опрятно.

– Молодец, – кивнул Сергей Леонидович, просмотрев показания, и сунул протокол в папочку. – Ну, иди, массажируй. Если что будет, я позвоню.

– Надеюсь, не скоро.

Алексей пожал протянутую руку, двинулся к двери и едва не сбил с ног девушку лет двадцати: кареглазую, с длинными каштановыми волосами, рассыпанными по плечам, чуть ниже его ростом. Он успел заметить только густые, чуть изогнутые брови, острый носик, легкую улыбку на губах, – но тут прозвучало:

– Садитесь, потерпевшая, у меня к вам возникло несколько вопросов...

И наваждение мгновенно пропало. Молодая ухоженная сучка. У простых девчонок статуэтки стоимостью в сотни тысяч долларов почему-то не пропадают...

Санкт-Петербург, Заставская улица.

14 сентября 1995 года. 03:05

Человек, который, то пропадая, то проявляясь в желтом свете фонарей, шел по улице со стороны Волковского кладбища, больше всего походил на обычного дачника: черный ватник, пятнистые штаны, короткие резиновые сапожки, брезентовый рюкзак за плечами. Подтверждала первое впечатление и форма рюкзака – ткань плотно облегла пятикилограммовый газовый баллон. Единственное, что отличало прохожего от сотен тысяч точно таких же обладателей садовых участков, – это палочка, на которую он опирался при ходьбе, ничуть при этом не хромая.

В паспорте, который лежал во внутреннем кармане ватника, указывалось, что Липин Михаил Ефимович родился в 1958 году, однако среди посвященных он был известен под кличкой Испанец еще с начала девятнадцатого века. Ходили слухи, что он пришел на русские земли с непобедимой армией Наполеона и после ее разгрома попался на глаза какому-то казачьему разъезду. Впрочем, это вполне могло быть ложью, поскольку смуглая кожа, острые скулы, нос с горбинкой, большие глаза в глубоких глазницах да иссиня-черные выующиеся волосы неопровержимо выдавали в нем уроженца

Ближнего Востока.

Напротив светлого здания следственного отдела Испанец скинул рюкзак, поставил его на тротуар, сел сверху, закрыв глаза и подняв лицо к небу. Со стороны могло показаться, что он здорово устал и теперь пытается перевести дух, но на самом деле именно сейчас Липин Михаил Ефимович и приступал к выполнению наиболее сложной части своей работы.

Сделав несколько глубоких вдохов, он остановил дыхание и усилием воли собрал весь свой разум, всю ауру, энергетику в одну невероятно плотную точку; удержав ее в таком состоянии сколько можно, внезапно, со слабым выдохом отпустил. Получив свободу, энергия словно расплескалась, разлетелась бесшумным взрывом на несколько сотен метров вокруг, и Испанец внутри себя ощутил окружающие дома, землю, канализационные колодцы, небо над головой – как обычный человек чувствует покалывание в пальце или холодок на ноге.

Покалывание означало присутствие в этом месте живого существа. Холодное означало пожилого или больного человека, горячее – ребенка, теплое – взрослого. Щекотными казались собаки и аквариумные рыбки, остро посасывало от кошек и магических предметов – и те и другие не могли существовать, не впитывая энергию из окружающего мира. Сейчас он воспринимал почти сотню людей за спиной, четырех человек впереди, на уровне земли, и только один достаточно сильный магический предмет в пустующем здании.

Испанец открыл глаза, совмещая энергетические образы с реальным строением. Получалось, что сосущее ощущение происходило из некоей точки за третьим слева окном, на четвертом этаже. Несколько секунд «дачник» сидел, глядя на следственный отдел, потом поднялся, развернулся к жилому дому. Покачал головой и, подхватив рюкзак, прошагал под арку, во дворе повернул налево и вошел в ближайшую парадную.

– Коммуналки, – негромко отметил он, глядя на двери, окруженные гроздьями звонков.

На самом верхнем, пятом, этаже он посмотрел налево, направо, выбрал дверь с ригельным, судя по скважине, замком, приложил к ней руку, замер. На лбу выступили капельки пота, дыхание участилось – наконец из квартиры слышалось легкое звяканье, и дверь поддалась. Испанец вошел в темный коридор, задумчиво оценивая двери выходящих на улицу комнат, присел перед одной, прижал губы к щели между косяком и дверью. Тихонько выдохнул воздух, потом с силой втянул. Повторил эту процедуру еще раз, еще, а когда в голове закружилось и щеки начали гореть, достал из кармана складной нож, просунул его в щель и отодвинул язычок захлопывающегося замка, явно не желая тратить лишних сил на то, с чем можно справиться без всякой магии. Войдя в комнату, псевдодачник аккуратно притворил за собой дверь и только после этого с наслаждением потянулся, сладко зевнув.

Вдоль правой стены комнаты, у большого красного ковра, лежали, прижавшись друг к другу, женщина лет тридцати и гладко выбритый парень лет восемнадцати. Испанец громко хмыкнул, удивляясь странному союзу, принесшему, однако, вполне осязаемые плоды – мальчишка лет пяти разметался в кроватке за изголовьем.

Разумеется, все трое спали – вытянуть из человека энергию настолько, чтобы тот умер, почти невозможно. Тем более – с расстояния в несколько метров. Ничего со смертными не случится. Ну, посетуют на то, что совершенно не выпались, хотя спали как убитые и безо всяких снов. Ну, пожалуются пару дней на слабость и сонливость, и все. Можно сосать энергию снова. Это не говоря уже о том, что, по негласному уговору, «задаивать» простых обывателей насмерть маги себе никогда не позволяли. Если люди начнут догадываться, что их используют как стадо дойных коров, они вполне способны устроить облаву на незваных «пастухов». А так – выдумали себе синдром хронической усталости и радуются.

Испанец подошел к окну, снял с подоконника на пол цветы, открыл внутреннюю створку, затем внешнюю. Шума он не боялся: после потери заметного количества энергии смертные несколько часов спят так, что их пушкой не разбудишь. Подтянув к себе стул, маг перевернул палочку, достал из кармана толстый резиновый жгут, зацепил петлей за ручок, прижал ее ногой, затем двумя руками взялся за широкий ремень, привязанный к жгуту, и, выпрямляясь, натя-

нул его, зацепив краем за резиновую насадку палки. Потом нащупал в кармане рюкзака угловатый камень, подобранный в куче строительного щебня, вложил в выемку ремня. Сел на стул, навел свое странное оружие на третье слева окно дома напротив, замер, прицеливаясь, большим пальцем начал сталкивать ремень вверх. Поначалу казалось, что у него ничего не получается, но внезапно послышался щелчок – толстая дубленая кожа соскочила с резины, жгут резко сжался, выбрасывая камень в цель. Почти в тот же миг послышался короткий «дзвяк!». От быстрого сильного удара стекло не разбилось, в нем лишь образовалась небольшая пробоина. Тем не менее ночного гостя это устроило вполне. Он скинул с палки и спрятал резинку, развязал рюкзак, прикрыл глаза, сосредотачиваясь, поднес к губам ладони, раскрыл их перед собой как два лепестка...

– Sont violents je descendrai les mots, – торопливо зашептал он на хорошем французском, – l'article pour la partie, la trouverez, ici la prenez, dans une large rue, dans les portes.

Испанец резко развел кисти, уставив указательные пальцы вперед, потом опустил правую руку, быстро открыл вентиль баллона, сжал пальцы, словно хватая невидимую газовую струю, толкнул ее вперед, к окну:

– Treize, Treize tourbillons, allez a cause des montagnes, levez a la montagne!

Он повел носом, кивнул, откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. Баллон потихоньку шипел, постепенно

покрываясь изморозью. На улице потихоньку начало розоветь небо, забренчал вдалеке ранний утренний трамвай.

Наконец Испанец удовлетворился своей работой, завернул вентиль, затянул узел рюкзака, после чего достал коробок спичек, с интересом тряхнул возле уха, открыл.

Скользнув по серной полоске, спичка вспыхнула с первой попытки. Ночной колдун, склонив голову набок, немного полюбовался расплзающимся по тонкой деревяшке пламенем, а потом коротко разрешил:

– Беги...

На долю мгновения открытая створка и пробоина в стекле через улицу соединились тонкой голубой нитью, как тут же грохнул пугающий в ночной тишине взрыв – третье слева окно в ослепительной вспышке вылетело наружу. Пламя слегка осело, потемнело и заплясало красными огоньками. Испанец опасливо покосился через плечо – смертные безмятежно спали.

Гость аккуратно закрыл створки – впрочем, поднимать на подоконник цветы поленился, – закинул рюкзак за спину, взял палку, прихватил мимоходом яблоко со стола. На секунду остановился у двери, прислушиваясь к происходящему снаружи. В коридоре царила тишина. Кто проснулся от взрыва – прилип к окнам, кто ничего не услышал – дрых себе спокойно до звонка будильника.

Испанец, бесшумно ступая, скользнул из комнаты, мягко прокрался к входной двери и просочился на лестницу.

Санкт-Петербург, Заставская улица.

14 сентября 1995 года. 11:55

Алексей поднялся на четвертый этаж, вышел в коридор и остановился, глядя под ноги. По каменному полу неторопливо бежали струйки воды, по которым, как маленькие, но очень гордые кораблики, плыли хлопья пены. Дикулин, переступая ручейки, подошел к выделяющейся черным прямоугольником двери, заглянул внутрь:

– Добрый день, Сергей Леонидович.

– Издеваешься, массажист? – вздохнул следователь, который тоскливо замер посреди кабинета, больше напоминающего погашенный для ремонта котел угольной ТЭЦ. От столов, сколоченных из прочного огнеупорного ДСП, остались только скрюченные остовы, от деревянных стульев – вообще ничего. По странной прихоти огня на полу сохранилось несколько пятен зеленого линолеума. Еще выжили сейфы, обильно присыпанные пеплом расследованных и не очень уголовных дел, украшенные обугленными деревяшками и осколками стеклянного графина вкупе со стаканами.

– Солидно вы тут вчера покуролесили, – сочувственно кивнул Дикулин. – Отмечали чего-нибудь?

Нефедов повернул к нему лицо, и у Алексея сразу пропало желание шутить. Он прокашлялся, спросил:

– А что тут вообще гореть могло?

– Да дела и горели, будь они неладны!

– Это вообще не я, Сергей Леонидович, – пожал плечами Дикулин. – Честное слово, и в мыслях не имел.

– Да я знаю, Леша, – кивнул толстяк.

– А чего тогда звали?

– На сейф посмотри. Во-он ту головешку видишь? Опознать сможешь? Давай, Леша, постарайся...

Дикулин пожал плечами, взял в руки полуизогнутый, потрескавшийся и обугленный кусок дерева. И вдруг почувствовал, как по рукам поструилось тепло, меж лопаток забегали мурашки, и где-то там, по ту сторону бытия, опять ощутился живой интерес к его, Алексея Дикулина, личности. Он торопливо вернул останки на мокрый и закопченный сейф:

– Это кошка. Та, что у знахаря в Красном Селе нашли.

– Правда? – оживился следователь. – А опознать ты ее сможешь?

– Дык, опознал же!

– Нет, не так. По правилам, при понятых, с предъявлением еще четырех-пяти похожих головешек.

– Смогу.

– А как?

– Ну, – развел руками Алексей, – все вам расскажи, да покажи, да дай попробовать. Это мое дело. Консультант я или нет?

– Так точно опознаешь?

– Сергей Леонидович, да что случилось-то?

– Не знает никто, – пожал плечами следователь. – Около

четырёх утра что-то бабахнуло и в кабинете возник пожар. Экспертизы ещё не делали, но добрые люди уже намекнули, что я статуэтку стырил, вместо нее корягу положил да поджигу какую-нибудь оставил. Она ведь, зараза, двести тысяч «енотов» стоит... Поди докажи, что не брал. Сгорело ведь все под корень...

– Опознаю, Сергей Леонидович, не беспокойтесь, – кивнул Дикулин. – Можете записывать в свидетели, отмажемся как-нибудь.

Он потоптался у порога еще немного, потом поинтересовался:

– Так я пойду, Сергей Леонидович?

– Да, Леша, – кивнул Нефедов. – Спасибо, что заехал. Хоть одно обнадеживающее известие за утро услышал.

– Если что, звоните...

Алексей развернулся, спустился вниз по лестнице, вытаскивая из кармана ключи от мотоцикла.

– Молодой человек! Молодой человек, подождите, пожалуйста!

На этот раз она была одета в двухцветное длинное приталенное пальто: все красное, но от правого плеча до пояса опускалась белая полоса. На шее – бледно-розовый шелковый шарф, в ушах – серьги с рубинами. Прежними остались только карие глаза, брови и собранные на затылке волосы.

– Молодой человек, простите за беспокойство... – Она приближалась быстрыми шагами, каждый из которых отме-

чался звонким цокотом каблукчика по асфальту. – Я так поняла, что вы экспертом при следователе работаете?

– Нет, – отрицательно покачал головой Алексей. – Я тут так, вольным стрелком.

– Но ведь именно вы были в кабинете Сергея Леонидовича, когда я заходила?

– Но это еще не значит, что я эксперт... Извините...

Девушка была, конечно, чертовски привлекательна. Но от нее за версту разило деньгами. Может, не шальными, но весьма солидными, и Алексей прекрасно понимал, что ему, обычному массажисту на вольных хлебах, изредка перебивающемуся заказами по решению проблем с разными знахарями и экстрасенсами, тут ничего не светило. А потому не стоило и кавалера галантного из себя строить – чем раньше уйдешь, тем меньше станешь ножки на каблукчиках вспоминать.

– Вы меня простите, пожалуйста. Меня Еленой зовут. Там, у следователя, была одна моя вещь...

Алексей замедлил шаг. Терпеть, как на нем испытывают женские чары, он не собирался, но и на откровенную грубость скатываться тоже не хотел.

– Нет больше вашей вещи, Елена, уж извините. Не повезло.

– Ее украли? – нагнала его, цокая каблукчиками, девушка.

– Нет, – вздохнув, остановился Дикулин. – Сгорела.

– А откуда вы знаете?

– Я ее видел.

– Значит, она все-таки достаточно сохранилась?

– Нет, – мотнул головой Алексей. – Одна головешка.

– Тогда откуда вы знаете, что это именно она?

Дикулин покачал головой, понимая, что зря позволил втянуть себя в разговор. Теперь нужно было что-то отвечать.

– Я ее опознал...

– Как?

– Какая вам разница? – перешел в контратаку Алексей. – Все равно это не ваша вещь, а американского коллекционера. Это во всех справочниках написано!

– В США никто не подавал заявлений о ее пропаже, – спокойно возразила девушка, – из страны по данным таможи ее не вывозили. Значит, эта статуэтка другая. И она – моя.

– Откуда вы знаете? Может, владелец как раз сейчас пишет заявление о пропаже!

– Он не может этого сделать. Он сейчас не в Штатах.

– Откуда вы знаете? Вы за ним следите? Почему? С какой целью? Почему ваше заявление дословно цитирует статьи из справочника? – Алексей сделал паузу, но молодая женщина не нашла, что возразить. – Извините, девушка, мне нужно идти.

Он быстрым шагом пошел со двора, но, огибая угол дома, не удержался и оглянулся. Елена стояла там, где они расстались, задумчиво поглаживая кончик носа пальцем с алым, в цвет пальто, ноготком. Душу мерзко кольнула обида, что ему никогда не доведется обнимать такую красивую женщину.

Обнимать, целовать, называть своей. Всяк сверчок знай...

И в этот момент что-то тяжелое ударило его сзади по голове.

Глава вторая

Гиперборея,¹³ река Нево, 3815 год до н. э.

Опустив тяжелую, совершенно неподъемную для обычных смертных, золотую крышку саркофага, Черный Пес перевел дух и с облегчением отер лоб. Хотя ему и не пришлось прикасаться к крышке руками, однако магия все равно отняла огромные силы. Рабочие стали прыгать вниз, дабы замазать щель ароматической пунтской смолой, а Мудрый Хентиamenti поднял глаза к холодному северному небу. Чисто голубое, высокое, ясное, оно все равно не дарило ни капли тепла.

Мог ли он когда-нибудь подумать, что на закате службы ему придется искать не тени, а солнечных лучей? Мог ли подумать, что станет дрожать от холода и проводить ночи у полыхающего костра?

– Мен-Сакка! Хеперенра! Ошриос! О Великий! Что мне делать, Мудрый Хентиamenti?

Черный Пес опустил глаза и понял, что закончившие работу у саркофага благовонщики отказываются подниматься вверх, выстроившись на коленях в изголовье Великого Пра-

¹³ Гиперборея – из древней мифологии: страна севера, источник знаний, родина богов. Именно оттуда пришли в Грецию учителя, первые прорицатели, основатели храмов, именно сюда ежегодно отправлялся на зиму Аполлон. Предположительно север России от границы с Финляндией до Урала.

вителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью. Что же, они проводили Нефелима в последний путь, честно выполнили свой долг и заслужили награду...

Черный Пес разрешающе кивнул. Номарх Эбер-Са поклонился, отбежал к строителям. Взявшись за веревки, те принялись опускать вниз толстые еловые и осиновые стволы, выкладывая их на столбы поперек раскопа. Вскоре сверкающий желтизной саркофаг и склонившие головы рабочие скрылись из глаз. Строители выложили еще один настил, уже вдоль, и принялись засыпать могилу влажной глиной. Хентиаменти жестом подозвал к себе исполнительного Хет-ка-Хтаха, в опакале которого не нуждался вот уже больше ста дней, и приказал:

– Ступай к номарху Нефер-Птаху, пусть кормит воинов. Скоро им понадобятся силы. Много сил.

– Слушаю, господин, – поклонился опакальщик и побежал к кораблям.

– Прости, Мудрый Хентиаменти, – услышал он тихий голос, – но почему ты приказал строить погребение из здешних больных деревьев? Ради Великого мы могли бы привезти с собой драгоценный ливийский кедр. Он вечен и благороден.

Черный Пес повернулся, оглядел с ног до головы смотрительниц за девственницами. Белокожая широкобедрая Нехбед в расшитой серебром тунике, в пробковых сандалиях. Ее бритую голову украшал широкий обруч, сплетенный из

жесткого конского волоса и украшенный несколькими перьями коршуна. Черная, как безлунная ночь, Уаджет обходилась только наборным поясом из сандалового дерева и слоновой кости, да короткой юбкой чуть выше колен. С плеч, прикрывая грудь, ниспадало широкое ожерелье из серебряных пластинок, а бритая голова оставалась и вовсе без украшений. Именно им и их ста двадцати девственницам он вынужден доверить будущее Нефелима. Его покой, его силы, легкость его пробуждения. Смогут ли они выполнить столь тяжелое поручение? Выживут ли вообще в этих диких и холодных землях?

– Ступайте к номарху Эбер-Са, – распорядился Хенти-аменти. – Пусть отдаст вам все паруса. Вы сошьете из них одежду, а корабли доберутся назад и на веслах.

– Ты не ответил, почему жалеешь хорошее дерево для Великого, Черный Пес! – дерзко вскинула подбородок бледная, как морские чайки, Нехбед. Глупая женщина. Он отдал им столько сил, научил почти всему, что знал сам, а они не понимают таких простых вещей...

– Шестьдесят веков... – повернулся спиной к смотрительницам советник Нефелима. – Шесть тысяч лет. Я даже представить себе не могу, как это много. А уж вы – тем более. Шесть тысяч лет, шесть тысяч зим. Что случится за это время? Уцелеют ли народы, что клялись в преданности Великому? Не захотят ли они нарушить покой Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей

Мудростью? Или, может быть, тут родятся новые расы, забывшие Нефелима. Зачем рисковать? Драгоценный ливийский кедр вечен и будет привлекать внимание еще много веков. Каменные могильники станут вызывать любопытство тысячелетиями. А осина сгниет года за три. Земля осядет вниз, плотно обняв саркофаг, сверху вырастет трава и деревья. Спустя десяток лет здесь не останется никаких следов нашего приезда. Только тайна, растворенная во времени и расстоянии, способна защитить покой Великого. А когда настанет час пробуждения, он легко пройдет сквозь податливую глину, ему не придется ломать древесные стволы и раскидывать камни. Он просто выйдет, и для мира настанет возрождение.

– Прости наши сомнения, Мудрый Хентиamenti. Ты прав. Ты всегда прав...

Извинилась не Нехбед, извинилась поджарая чернокожая смотрительница с верховьев Нила. Но другая невольница, тридцать лет назад привезенная в дар Великому из-за Зеленого моря, продолжала хмуриться, лелея какие-то тайные мысли. Однако Черный Пес не стал обращать на это внимания. Ведь пеклась она не о себе, а о правителе.

– Когда вы останетесь одни, не стройте своего селения на этом острове. Пусть он остается одним из многих. Всегда держите наготове сорок девственниц. Никто не знает, в какой из дней Сошедший с Небес пожелает открыть глаза и выйти к свету. Никому никогда не рассказывайте о Великом

и не указывайте место, выбранное для его сна. Вам нечего бояться. Хотя Великий спит, силы его продолжают исходить наружу и всегда будут пропитывать вас, делая сильнее, мудрее и быстрее прочих смертных. Я дал вам знания, научил всем обрядам, заклинаниям и жертвам, которые знал сам. В этом мире нет никого, кто сравнится с вами своим могуществом. Вы обязаны сохранить себя и покой Нефелима, передавая свое знание из поколения в поколение. Когда Великий проснется, вы должны отдать ему свои силы и стать первыми из слуг.

– Ты приказываешь нам совершить невозможное, Мудрый Хентиаменти, – голос Уаджет осип. – Зачем оставляешь нас одних? Ужели нет у тебя опытных номархов, храбрых воинов, умелых строителей? Пусть они возьмутся за охрану Великого, построят здесь крепость, подготовят непобедимую армию...

– Шестьдесят веков, – снова повторил Черный Пес. – Я могу поручиться за номарха, воспитанного мной, – но каким станет его сын или правнук? Мужчины всегда ищут славы. Когда это желание соединяется с силой, когда воин становится правителем, он всегда стремится покорить весь мир, установить власть везде, куда дотягивается его копье. Только женщина способна, имея силу и власть, потратить их не на захват чужого дома, а на покой в своем. Только вы и ваши дочери смогут поколение за поколением хранить сон Великого и не использовать свое знание для власти над другими

смертными. Поэтому я запрещаю вам передавать свои тайны мужчинам. Никогда, вы слышите, никогда оставленная вам магия не должна попасть в мужские руки!

– Слушаю, господин. – На этот раз перед Черным Псом покорно склонились обе смотрительницы.

– Тогда идите, и заберите у Эбер-Са парусину. В этих землях она вам очень пригодится. Да, и пусть передаст вам все лодки. Здесь они намного нужнее.

За время разговора глубина усыпальницы уменьшилась на пять локтей. Черный Пес хлопнул в ладоши, вскинул левую руку:

– Пусть сюда призовут отважного Уаджит-Нефера и его воинов!

На кораблях, привязанных к деревьям, послышались выкрики десятников, топот ног. Не дожидаясь дополнительных команд, могучие чернокожие вивиты, гроза отступников, гордость дворцовой охраны, стали прыгать в яму и выстраиваться ровными рядами: спиной друг к другу, лицом наружу, с обнаженными ритуальными мечами в руках.

Разумеется, советник Нефелима понимал, что ни железо, ни оружейная бронза не смогут выдержать в земле шестьдесят веков. Поэтому мечи вивиты получили из храмовой сокровищницы: золотые лезвия, к кромкам которых приклеены острые, как шип акации, пластинки из священного черного камня. В последний путь воины надели самые надежные и дорогие доспехи – кирасы из толстой буйволовой кожи, уси-

ленные бронзовыми наплечниками и кольцами из слоновой кости на груди.

Дворцовая стража заняла свои места, и рабочие продолжили сбрасывать глину, навсегда закрепляя вивитов в боевой позиции. Когда глина дошла им до плеч, строители ушли к кострам ужинать, а Черный Пес, подняв с земли бурдюк и стаканчик, вырезанный из пахучего сандалового дерева, осторожно, по лестнице, спустился вниз. Он остановился возле первого из воинов, присел, налил в стакан выдержанного пальмового вина.

– Когда над твоею головою начнут полыхать огни, когда защитники врат в мир мертвых займут место возле усыпальницы и на эти земли соберутся хранители душ из трех стран пирамид, Великий проснется, и его дыхание пробудит тебя. Готов ли ты до того часа сохранить верность Сошедшему с Небес и вновь отдать свою душу, если таковым будет его желание?

– Готов, Мудрый Хентиamenti, – хрипло отозвался воин.

– Тогда очисти свою плоть... – Черный Пес поднес стакан с вином к черным губам, дал воину выпить все до последней капли, – и отпусти свою тень, сохранив имя...¹⁴

Советник Нефелима выдернул из ножен черный обсидиановый нож и нанес вивиту быстрый укол в шею, меж позвонков. Воин мгновенно уронил голову, а Черный Пес перешел

¹⁴ «...и отпусти свою тень, сохранив имя» – то есть умри не до конца, лишившись души «Ах», но не утратив души «Ка».

к следующему.

— Когда над твоею головою начнут полыхать огни, когда защитники врат в мир мертвых займут место возле усыпальницы и на эти земли соберутся хранители душ из трех стран пирамид...

Обход всех воинов занял весь остаток дня и отнял у Хентиamenti куда больше сил, нежели даже перемещение саркофага и его закрытие. Однако теперь он мог отдохнуть. Теперь он мог отдыхать очень долго...

Черный Пес ушел к женщинам, к их ярким кострам и задуновым песням, сел, накинув себе на плечи жесткий холст паруса и закрыл глаза, стараясь не слышать мерные удары тяпок по глине и шлепки падающей на усыпальницу земли.

К тому времени, когда он проснулся, усыпальница Великого Правителя, Сошедшего с Небес и Напитавшего Смертные Народы Своей Мудростью, отличалась от окружающей земли только ровным прямоугольником утоптанной глины. Да и то постороннему человеку это не могло броситься в глаза, поскольку глины на острове было раскидано много и похожие проплешины виднелись среди травы тут и там.

Советник Нефелима подобрал с земли обычную палку, которых немало валялось вокруг после разделки деревьев, вышел на середину усыпальницы и начал чертить лабиринт. К тому времени, когда номарх Эбер-Са прибежал от кораблей, Черный Пес закончил свою работу и, аккуратно ступая между линиями, вернулся в центр и воткнул палку туда.

– Это центр алтаря, – сообщил он номарху. – Там должен лежать камень. Большой камень. Линии показывают гребни вала. На нем должны лежать камни поменьше.

– Смилуйся, Мудрый Хентиamenti, – склонил бритую голову номарх. – Здесь нигде вокруг нет камней.

– Сними с кораблей балласт. Соберешь другой на обратном пути.

– Слушаю, господин...

На завершение обряда ушел весь день. Уже изрядно уставшие после долгих земляных работ строители еле ворочали тяпками, насыпая вдоль тонких извилистых линий земляной вал высотой в полтора локтя, утрамбовывая его, выкладывая камнями. Черный Пес не подгонял их: обряд освящения алтаря Амона-Ра все равно нужно производить на рассвете. А к рассвету все будет окончено в любом случае.

Почти перед закатом рабочие вышли на берег реки и опустились на колени, повернувшись к выложенному камнями лабиринту, что вырос посреди лесной вырубki. Все они были опытными строителями и прекрасно понимали: их работа закончена. Глядя на своих товарищей, на берег выбрались гребцы, судовая охрана, женщины команды. Последним, впереди всех, почти у самого края лабиринта преклонил колени номарх.

– Вы сделали все, как должно, смертные... – Черный Пес возвысил голос до звенящей высоты и вскинул перед собой обращенные к лицу ладони. – Радуйтесь, Сошедший с Небес

любит вас и распространит любовь свою и благословение на детей и внуков ваших. Теперь возвращайтесь в Кемет и сообщите всем, что Великий обрел покой. Когда его Ба завершит путь через миры, когда она познает забытое и обретет новое, когда она вернется к правителю, Нефелим проснется с новыми силами и вернется к вам. Отплывайте, смертные. Немедленно.

Когда советник Нефелима говорит «немедленно» – значит, именно так и следует действовать. Не теряя ни мгновения, люди поднялись, направились к кораблям, без излишней суеты, но быстро заняли свои места. Упали в воду веревки, что удерживали огромные суда возле прибрежных деревьев, загрохотали весла, готовые вспенить воду. Но течение уже подхватило путников и понесло их в сумрак близкого моря.

Сто двадцать девственниц, покинув костры, столпились у кромки воды, провожая взглядами последнюю надежду на возвращение в теплый привычный Кемет. Никто из них еще не знал, что они остаются здесь не просто навсегда – к этому месту будут на невероятно долгий срок прикованы и все их потомки.

– Ничего, Нехбед и Уаджет научат вас быть сильными, но незаметными, – покачал головой Черный Пес, – храбрыми, но послушными, смертоносными, но мирными. Они научат вас всему...

Он отер руками лицо, а потом вошел в лабиринт, петляя

между валами, что еще утром были простыми линиями. В центре лежал красный гранитный валун – может быть, взятый из каменоломен Неба.

Советник сел, извлек из ножен обсидиановый нож, воткнул его перед собой примерно до середины лезвия и, глядя в черное вулканическое стекло, запел:

– Рефека-а, тха, тха, метсох хирхури-и, цха, цха, перенсик харрих, дцогу-у-у...

Он пел и ощущал, как душа его наполняется простором, будто он взлетает ввысь, подобно птице. Стенки лабиринта, алтарь, земля – все словно разбегается в стороны, но мир при этом становится меньше, и одним взглядом он может окинуть сразу многие и многие земли... Очень скоро ему стало ясно, что напев его слышат все – все сорок советников Нефелима, все сорок Мудрых, что разошлись в стороны на много дней пути, дабы создать алтари Амон-Ра и напитать здешние земли божественной силой. Напитать так, чтобы сама земля стала для спящего Великого ласковой колыбелью, чтобы она поддерживала его тело и души и хранила их на протяжении столь долгого сна.

Черный Пес оборвал песню, торопливо выдернул из земли ритуальный нож, вернул его себе на пояс.

Теперь все Мудрые знают, что усыпальница закончена. Что завтра с первыми лучами зари алтари следует освятить. Это очень важно: освятить все алтари одновременно – тогда земля будет пропитываться со всех сторон равномерно и ее

не станет разрывать магическими силами.

Он понимал, что алтарь из земли и камней не вечен. Что через несколько лет здесь вырастут кусты, деревья. Что расползающиеся корни, лесные обитатели, ветра и дожди постепенно сровняют его. Но прежде пройдет много веков. Лабиринт еще очень, очень долго сохранит свой рисунок – пусть даже высота валов будет в полпальца, в четверть – он все равно будет работать. А когда окончательно сровняется – сама земля сохранит память о том, как впитывать силу Амон-Ра.

К тому же Мудрые оставят после себя сорок алтарей – хоть один из них должен простоять все шестьдесят веков!¹⁵

Рассвет подступил на удивление быстро. Строго следуя рисунку лабиринта, до Черного Пса добрались женщины, остановились за спиной.

– Небо светлеет, Мудрый Хентиamenti, – советник узнал голос Нехбед, – кто будет освящать алтарь?

– Я, – коротко сообщил Черный Пес. – Я хочу, чтобы это сделала ты, Уаджет.

Советник выпрямился, обнажил ритуальный нож, протянул его чернокожей помощнице. Затем полностью разделся и отдал одежду Нехбед. Встал на колени, хорошо зная, что вокруг, во всех сторонах света, в это самое время точно так же встают на колени еще сорок Мудрых – сорок хранителей

¹⁵ Ныне алтари уцелели только на Соловецких островах, острове Ссскар в Финском заливе и на озере Тигвера в Карелии.

знаний, что передал Нефелим смертным.

– Ты дашь знать, когда будешь готов, господин. – Уаджет поднесла нож к горлу Хентиamenti.

Сейчас, когда первые лучи упадут на землю, сорок Мудрых так же покинут мир, унося с собой знания, подаренные Сошедшим с Небес. В этом нет ничего страшного – ведь, проснувшись, Нефелим вернет эти знания людям. Зато теперь единственными обладателями магической силы останутся девственницы, и с этого мига никто и никогда не сможет их подчинить. А значит, они достойно сохраняют покой Великого.

Ушедшие в море корабли никогда не доберутся до Кемета. Ни номарх, ни мореплаватели и представить себе не могут, какие холода случаются в здешних местах. Сейчас надвигается зима, а им предстоит долгий путь. Слишком долгий для смертных, не имеющих ни паруса, ни теплой одежды. Не смогут преодолеть широких просторов Гипербореи и слуги мудрых, что после освящения алтаря пойдут на юг своими ногами. Никто и никогда не доберется до Зеленого моря, никто и никогда не расскажет, где спит Великий.

Он, Черный Пес, сделал для Сошедшего с Небес все, что мог. Сохранил тайну усыпальницы, дал ей охрану, смог одарить эту охрану силой, неодолимой для всех прочих. Позаботился о девственницах, подумал о том, чтобы силу Великого никто не присвоил, не использовал для личной корысти.

Получается, выполнено все возможное. Черному Псу

нечего больше делать в этом мире.

Мудрый Хентиamenti разрешающе взмахнул левой рукой и почувствовал, как острая грань обсидианового ножа с силой вжалась в горло и заскользила по коже...

Санкт-Петербург, набережная реки Монастырки.

14 сентября 1995 года. 11:55

Алексей пришел в себя от острой боли в затылке. Ему даже показалось, что он лежит на электроплитке – Дикулин дернулся, пытаясь отодвинуться или хотя бы потрогать болезненное место, и обнаружил, что привязан. Единственное, что он мог сделать, так это открыть глаза.

Над головой у него был высокий свод, выложенный из красного кирпича. Белить или как-то отделывать потолок никому не приходило в голову лет этак триста, а потому многие кирпичи изрядно выкрошились, хотя раствор выглядел еще весьма прочным. Алексей приподнял голову, окинув себя взглядом. Находился он на некоем столе, больше всего похожем на операционный: шириной сантиметров шестьдесят, слегка наклонный, он имел крестообразные отводы для рук и ремешки внизу для ног. Разумеется, конечности оказались надежно закреплены, и Дикулин был фактически распят.

Пленник повернул голову налево, увидел кирпичную стену с окошечком под самым потолком, растопленную жаровню с греющимися среди углей двумя железными прутами, какие-то непонятные, но весьма омерзительные с виду кле-

щи, кованую стойку с крюками, длинный кнут, небрежно брошенный на пол. Слева он увидел двух бородатых мужиков в тренировочных костюмах, самозабвенно молящихся перед иконой Георгия Победоносца, огромное, в человеческий рост, распятие и пару плотницких топоров, лежащих на специально вбитых в стену крюках.

– От, блин... – Алексей попробовал прочность ремней, но они не поддались. – Топорники!

Мужики закончили молитву, истово перекрестились, отвесили Георгию Победоносцу земной поклон и поднялись на ноги:

– Ну что, оклемался, касатик?

По виду они больше всего напоминали натуральных отможенных моджахедов: длинная густая борода, бритые головы. Правда, рожи у обоих были вполне рязанские, да и фигурой они больше походили на работающих крепышей, нежели на тоскливых и худосочных разбойников. Однако внешнее впечатление очень часто оказывается обманчивым.

Различались напарники разве носами: один имел нос картошкой, а другой – боксерский, расплющенный и сдвинутый набок.

– Стало быть, знаешь, к кому попал? – поинтересовался «боксер». – Интересно, откуда?

– А кто же вас не знает? – удивился Дикулин. – Топорники, тайная охранка православной церкви. Мочили всякого рода отступников, еретиков, просто хулителей. Язычников

запугивали, староверов ловили. Я, правда, думал, что после восемнадцатого века вы в историю канули, но когда отца Меня зарубили, сразу сообразил: живы еще курилки, топоры не ржавеют.

– Мы отца Меня не убивали, – возразил второй мужик. – Там что-то уголовное случилось...

– Ага, – хмыкнул Алексей. – Папа Римский приехал и на тропинке подкараулил. Вы про свое алиби желтой прессы рассказываете. Отец Мень Библию хотел перевести, а это грех. В Европе до Наполеона за это вообще котел с кипящим маслом полагался. Зарубили бедолагу топором, а это фирменная визитная карточка вашего ордена. Чего теперь юлите?

– Разговорчивый? Это хорошо... – «Боксер» обошел пленника, поворошил угли в жаровне, и от этого привычного жеста топорника у Дикулина меж лопаток пополз нехороший холодок.

– Меня-то чего сцапали? – уже не так жизнерадостно поинтересовался Алексей. – Я ни к какой церкви отношения не имею.

– А вот это мы сейчас и узнаем... – кивнул «боксер». – Сам расскажешь, или тебя сначала встряхнуть?

– Чего вам надо-то? – Дикулин предпочел отвернуться к иконе.

– Давеча ты, касатик, в Красном Селе в дом один входил. А дом нехороший, мы за ним пару дней как приглядывать

начали.

– Так я с милицией входил! Меня консультантом вызвали.

– Консультантом чего?

– Ну, по колдовству.

– Значит, ты все-таки колдун, касатик? – Дикулин услышал, как в жаровне опять зашуршали угли.

– Никакой я не колдун, мужики! – Мотнул он головой. – Я с ними, наоборот, борюсь. Мы с вами, можно сказать, одним делом заняты!

– Странно что-то, – подал голос второй топорник. – Не православный, не крещеный, а с колдовством борешься. Не складывается что-то.

– Да ты рассказывай. Подробненько этак, раз сам говорить начал, – добавил «боксер». – И не бойся. Мы ведь пытаться и сами не любим. Коли так обойтись можно, так и вправду миром лучше разобраться.

– Да нечего мне толком рассказывать, – вздохнул Андрей. – Девица одна меня приворожить в институте пыталась. А у меня предчувствие нехорошее какое-то появилось, я ее и послал подальше. А она к бабке одной сунулась, что при экзаменах хорошие отметки или билет простой иногда наколдовать могла. Та на меня порчу наводить стала. Я поначалу не верил, смеялся. Но когда все наперекосяк пошло, решил подстраховаться. Книжки кое-какие по этой теме почитал, на Кольский домой съездил – у меня там родичи дальние этим делом тоже баловались. Ну, кое-чего нахватался,

подготовился, да и устроил бабке «встречный иск». Извел, короче, колдунью. Сгинула. Может, просто сбежала, но из институтских больше ее никто не видел.

Правда, меня из вуза все-таки выперли по ее порче. А я в свое время курсы массажистов проходил. Вот и решил попытаться по этой теме выкрутиться. Взял лицензию, объявления дал, возле дома развесил. Клиент шел хреново, а тут вдруг тип один появился. Ему про меня рассказали, как я бабушку отбрил, а у него похожая залипуха, только по бизнесу. Я, в общем, подмогнул, заработал маленько. Потом еще клиенты появились. А поскольку при таком деле иногда кое в чем накладки с законом получаются – ну, там, то подкинуть кое-что ведьме в жильё надо, то вещь ее мелкую стырить, – я к ментам пару раз попадался. Там на меня Нефедов вышел, следователь. Предложил стукачом оформиться. В смысле бумажку подписать. Они меня под этим соусом от мелких накладок выручают, а я им по знахарским делам помогаю когда надо. Разговор в камере был, пришлось соглашаться. Вот так я в Красное Село и приехал – по вызову.

– Чего в доме нашли?

– Кошку деревянную, – ответил Дикулин. – Из-за нее там весь сыр-бор и начался.

– Где она сейчас?

– Сгорела.

– А ты откуда знаешь?

– Угольки видел.

– А если это не она?

– Я ее в руках держал. Ощущение от нее... Странное. Ни с чем не перепутать. А вы, что, меня сюда из-за этой чертовой кошки приволокли? Не могли просто на улице спросить? Я бы вам и так все рассказал.

– Нет, касатик, не скажи, – возразил «боксер». – Брякнул бы чего попало и побежал. А поди догадайся, верить али нет? А здесь ты все изложил в подробностях. И, пожалуй, мы теперича можем успокоиться. Понять, откуда слова твои берутся, да и сам ты тоже.

– Может, руки отвяжете?

– Да чего руки? Всего отвяжем. Ступай, касатик, с Богом. У нас на тебя обиды нет.

Вскоре Андрей с облегчением спрыгнул со стола, осторожно дотронулся пальцами до затылка, чертыхнулся:

– Слушайте, мужики, а вы не слыхали, что есть такие нежные способы отруба вроде платочка на нос или укола в задницу? На хрена топором-то по голове лупить?

– А мы, касатик, по нашему делу институты не кончали, мы все божьим промыслом и по велению души. Ты как, пойдешь, али еще чего рассказать хочешь?

– Ну вас, с вашим «промыслом», – отмахнулся Дикулин.

Второй топорник отворил толстую деревянную дверь, первым поднялся по узкой лестнице, вывел в обычный широкий коридор, на лестницу в три ступеньки – и Алексей оказался на улице. Через дорогу от него текла река, слева

загораживали проход высокие железные ворота, справа поднимала свои синие стены Александро-Невская лавра.

Дикулин оглянулся. Домик был совсем маленьким, аккуратненьким. Красный кирпич, два этажа, крашенная в красный цвет крыша. Совершенно мирное, ничем не примечательное здание. Наверное, никто из тысяч людей, идущих в лавру, на него и внимания не обращает.

Леша перешел дорогу, заглянул с набережной вниз. Так и есть, из склона к реке выходила толстая труба. Канализацией она быть не могла – такого в городе уж давно нет, чтобы всякую вонь в реку спускать. А вот смывать кровь из...

– Молодой человек, вас не нужно подвезти?

Дикулин оглянулся и наткнулся на взгляд карих очей под густыми бровями.

– Вы?! – удивился он. – Здесь? Откуда?!

– Ну, – пожала девушка плечами, – мне показалось нехорошо бросать человека в подобной ситуации. Как-то неприлично. На предательство смахивает.

– В какой?

– Да я, – замялась потерпевшая, – я заметила, как вас два эти архаровца топором по голове тяпнули и в вездеход засунули.

– Какой еще вездеход? – не понял Алексей.

– Ну, такой, – попыталась изобразить что-то девушка. – Зеленый, угловатый. Вроде военного.

– А-а, «УАЗ», что ли?

– Наверное, – пожала плечами потерпевшая. – Вот я и решила на всякий случай проследить, куда вас повезли. Ну, и помочь, если понадобится. Подвезти, например. Они ведь о таких вещах не думают. Впрочем, я вижу, вы в полном порядке. Так что я, наверное, поеду. Извините, что отвлекла.

– Ой, это вы меня простите, Лена, – спохватился Дикулин. – Простите бога ради за грубость. Сами понимаете, после того, как топором по голове схлопочешь, соображалка начинает работать медленнее. Спасибо вам большое за сочувствие.

– Ничего, – покачала она головой. – Люди не должны оставлять друг друга в беде... Так вас подвезти?

– Меня... – мысленно прикинул местоположение следственного отдела Дикулин. С какой стороны к нему ни подбираться, от метро с километр топать, а маршрутов автобусов и трамваев он не знал. Не привык пользоваться, больше на мотоцикле носился. – Если вас это не затруднит, Лена... То буду благодарен. Меня, кстати, Алексеем зовут. Лешей.

– Очень приятно. Вот моя машина, садитесь.

Разумеется, тачка новой знакомой была подобрана в цвет пальто. И, разумеется, это был не «Москвич». Приземистая, рубинового цвета «Тойота» на широких покрышках поначалу показалась Дикулину двухместной, но, открывая дверцу, он заметил позади узкий диванчик. На загнивающем Западе такую схему авто называют 2+2 – двое взрослых и двое детей – и применяют только на спортивных машинах. То есть под

капотом у дамочки «лошадей» триста, бензин в баке «девятью восьмой», запчасти только на заказ, штучное исполнение. Сиречь, если измерять стоимость такой «Тойоты» в российских мотоциклах, то счетчик зашкалит за несколько тысяч. Если мерить в «дохлых президентах», то их просто не сосчитать.

Алексей опустил на пассажирское сиденье, с любопытством покосился на правую руку спутницы. Обручального кольца нет. Интересно, кто же ее тогда так «упаковывает»? Не сама же она пару миллионов «зеленых» заработала? Дикунин имел некоторое представление о том, как живут люди с подобными суммами в «кармане», и хорошо понимал, что тут все должно быть отлично «схвачено» и с бандитами, и с органами правопорядка. А коли так – почему девчонка сама возле следственного отдела прыгает? Вместо того, чтобы трубку с телефона снять или «шестерку» послать?

И опять душу кольнула обида от осознания той пропасти, что разделяла его и эту красивую молодую женщину.

Машина тем временем мягко стронулась с места, перекатилась по мостику через Монастырку, неспешно добралась до площади Александра Невского, обогнула площадь и вдруг, с силой вдавив Алексея в спинку кресла, стремительно помчалась по Невскому проспекту. Змейкой проскальзывая между медленно ползущими автомобилями, «Тойота» за четверть минуты домчалась до площади Восстания и тут, вместо того чтобы повернуть налево, метнулась в сторону

концертного зала «Октябрьский».

– Куда мы едем? – не понял Дикулин.

– У вас кровь на голове. – Лена повернула на улицу Маяковского. – Сейчас заедем ко мне, промоем рану.

– Куда это «к вам»? – Алексей мгновенно вспомнил недавние мысли про «бандитов» и «упаковщиков» девушки и с тоской подумал, что у топорников, возможно, сейчас было бы безопаснее.

– У меня здесь магазин неподалеку, – кивнула девушка. – Там и посмотрим.

И только сейчас до встряхнутых обухом святого топора мозгов борца с магами и колдунами дошло, что, увидев явное членовредительство, Лена не удивилась, не стала звонить в милицию или звать на помощь. Она поехала следом и дождалась, пока его выпустят. А значит...

– Так вы знаете про существование топорников? – выдохнул он.

– А кто же про них не знает? – Пожала плечами девушка с таким видом, словно речь шла о кухонных тараканах.

– Что, приходилось... – красноречиво поднял руку к голове Алексей.

– Нет, – усмехнулась Лена, – меня не били. Но навешиваются довольно часто. Регулярно им что-то в моих товарах не нравится... – Машина выскочила на улицу Рубинштейна, промчалась через два перекрестка и стремительно затормозила перед вывеской «Антикварный магазин». – Вот и прие-

хали. Пошли, пока продавщицы меня не заметили. Посмотрим, как без хозяйского глаза работают.

Обогнув «Тойоту», она сбегала по уходящим под короткий навес ступенькам. Звякнула колокольчиками и тут же хлопнула входная дверь. Алексей к этому моменту только-только успел ступить на тротуар и выпрямился. Позади пискнула включившаяся сигнализация, щелкнули соленоиды замков. Дикулин с сомнением посмотрел на дверь с картонной табличкой «открыто», однако решительно махнул рукой и пошел вниз.

Насчет того, чтобы продавщицы работали, его новая хозяйка явно погорячилась: в трех залах, каждый размером с двадцатиметровую комнату, царил полный и безупречный покой. В легкой прохладе две женщины лет по тридцать прогуливались между темными картинами, зеркальными горками, резными стульями, бронзовыми напольными часами и высокими зеркалами с облупившейся амальгамой. В застоявшемся воздухе Лена оставила за собой ощутимый вихревой след. Дикулин, следуя по нему, прошел за коричневое ореховое бюро с семью потайными ящиками – если верить ценнику, конечно, – обнаружил там обшитую женой рейковой дверь, толкнул. И неожиданно оказался во вполне современном офисе: зеленые стены из жидких обоев, натяжной потолок, узкое пластиковое окно под потолком, стеклянный стол, сквозь который отлично различались обтянутые черными колготками коленки. Их владелица ковырялась в сто-

ящем рядом с креслом высоким сейфе.

– Могу дать аспирин, если голова болит, – сообщила из железного нутра Лена. – А еще надежнее – баралгин вместе с но-шпой. Улучшает кровообращение. После нее и боли отпускают, и соображаешь лучше.

– В такой ситуации водка лучше помогает, – хмыкнул Леша.

– Водки нет, – выглянула из-за стальной дверцы хозяйка. – Могу налить коньяка.

– Да нет, спасибо, – отказался Дикулин. – Я же за рулем. Это я так, пошутил.

– Тогда обойдемся средствами попроще. – Девушка поставила на стол белый флакон с хлоргексидином, какой-то импортный аэрозоль, положила пучок ваты.

– Что, часто лекарства воруют? – кивнул Алексей на сейф.

– Нет, – покачала головой хозяйка. – Просто ценные вещи никогда нельзя класть туда, где их станут искать. Лекарства лежат для грабителей, если они все-таки вскроют эту махину. А то как бы от сердечного приступа не померли. Жалко... А теперь, мой друг, будьте любезны повернуться ко мне спиной и склонить голову.

По затылку пополз холодок, что-то металлически брякнуло, в мусорницу у стола полетел кусок розовой ваты.

– Так, тут хорошо, проплешины не останется... Та-ак, это всего лишь волосы... Еще чуть-чуть... – Послышалось шипение аэрозоля. – Ну, теперь почти все. Посидите немного в

этой позе, я рану медицинским клеем залила. Минут за пять застынет, и можно гулять спокойно. Хотя, конечно, лучше в шляпе. Прядь волос у ранки будет казаться грязной.

– Спасибо... – Алексей немного помолчал, потом поинтересовался: – А чего так пусто в магазине? Время, что ли, нерабочее?

– Ну, здесь не бакалейная лавка, чтобы толпа крутилась, – отозвалась хозяйка. – У антикваров товар штучный, клиент редкий, разборчивый.

– А не прогорите при такой скромности?

– Ничего, выкручусь, – он ощутил в голосе собеседницы усмешку. – Даже магазин, и тот кое-как себя окупает.

– И на бензин для «Тойоты» остается?

– От магазина? – Теперь девушка откровенно рассмеялась. – Ну, на бензин, пожалуй, хватает.

– А на все остальное?

– Экий вы любопытный, Алексей... Ну, положим, так... В антикварном деле почти всегда продавец совершенно не представляет ценности своего товара, а больше половины покупателей мало разбираются в истинной стоимости покупки. Иногда за десять рублей можно купить вещь ценой в сотню долларов, а потом продать ее за чetyреста.

– Хороший бизнес! – присвистнул Леша. – Помнится, это называлось...

– Это называлось обычной торговлей, – перебила его Лена. – Я покупаю вещь за те деньги, за которые ее соглашаются

продать, и продаю за цену, которую соглашаются заплатить. Нож к горлу никому не приставляю. И если вы думаете, что это очень просто, попытайтесь сперва визуально различить бронзу начала и середины восемнадцатого века, или угадать на барахолке в куске лома ювелирное сокровище, или определить цену тому, чего никто и никогда не пытался продать.

– Я думал, все это есть в каталогах, – пожал плечами Дикулин.

– Так уж и есть... Хватит, поднимите голову, – разрешила хозяйка. – Ладно, сейчас я покажу тебе кое-что... Посмотрим, что ты скажешь о каталогах тогда.

Алексей поднялся, двинулся вслед за Леной к еще одной двери, покрытой теми же жидкими обоями, а потому мало заметной на фоне стены. Створка оказалась железной, за ней – решетка, и только после короткого коридора Дикулин очутился в еще одном помещении, увешанном картинами, с узкими светящимися прилавками вдоль стен.

– В те залы приходят те, у кого завелось чуток денег, и теперь они хотят купить дорогую безделушку жене на день рождения или похвастаться перед друзьями мебелью восемнадцатого века, – сообщила хозяйка. – Тот же, кто хочет вложить реальные капиталы и разбирается в вещах, идет сюда.

Дикулин ее не слушал. Он медленно приблизился к деревянному стенду, на полках которого были разложены инкрустированные самоцветами, покрытые мелким рисунком, сверкающие полировкой мечи, сабли, кинжалы, рапиры, ята-

ганы.

– Какая сказка... – Пальцы правой руки невольно сжались и разжались. Он оглянулся на хозяйку: – Можно?

– Ох уж эти мужики. Прямо как дети. Можно, попробуйте.

Первым Алексей взял в руку короткий, меньше полуметра, но широкий и толстый меч с грубо вырезанной из кости гардой, однако с крупным голубым камнем в навершии. Слегка взмахнул им, резко передвинул кончик клинка из стороны в сторону. Несмотря на массивность, меч управлялся легко, словно центр его тяжести находился в середине ладони. Никакого напряжения мышц, тяжелых замахов. Казалось, достаточно мысленного усилия – и сталь уже парирует направленный в сердце или голову удар.

– Хотите узнать, что такое деградация сильного пола? – поинтересовалась Лена. – Вот, возьмите. – Она сняла с полки и протянула Алексею шпагу с плетеной гардой. – Этим мечом мужи воевали тысячу лет назад. А вот этим – всего полтора.

После меча шпага не весила почти ничего. Просто детская игрушка, баловство для женщин. Наверное, предложи такой клинок воину десятого века – за оскорбление сочтет.

Леша вернул шпагу на место, потянул с полки другой меч – шириной в три пальца, но длиной почти в метр, с разнесенными сантиметров на двадцать и загнутыми вперед плечами гарды. Вот это было оружие: весомое – но быстрое, послушное – но смертоносное.

– Вещь... – с чувством произнес он.

– Новодела здесь не держу, – сообщила хозяйка. – Каждый клинок в деле закалился, походы вынес, кровушки пролил.

– Я думал, они парадные, – удивился Алексей.

– Нет, – покачала головой Лена. – Сейчас мало кто верит, но самое ценное в них – это клинки, а не камни. А когда воин платит за лучшую сталь, он делает это не для того, чтобы таскать ее с собой на парадные приемы.

– Настоящие, значит... – Леша не без грусти расстался с мечом и потянулся к сабле.

– Подожди, еще кое-что покажу...

Хозяйка достала из-под витрины с оружием продолговатый футляр, открыла его, и Алексей увидел на зеленом бархате вовсе поразительную вещь: двойной персидский меч. Витая рукоять из яшмы, рубин в навершии, два изумруда на гарде, но клинок...

Дикулин уже видел такие мечи на фотографиях во всякого рода оружейных энциклопедиях: на одной рукояти поблескивали сразу два очень близко расположенных клинка. Но здесь – здесь между стальными клинками чернел, выступая острием над кончиками клинков, священный вулканический камень – обсидиан.

Задержав дыхание, Алексей взялся за рукоять и тут же почувствовал, как руку пробила, словно искра, жгучая энергия, сильно похожая на ту, что возникала от прикосновения к кошке с нефритовыми глазами – но только здесь по ту сто-

рону не стояло никого. Это была просто энергия, и Дикулин понял, что уже не сможет жить без этого оружия.

– Сколько... он стоит...

– Я не могу назвать цену, – усмехнулась Лена. – Ты уронишь дорогую вещь и повредишь ее.

– Я могу... продать... Могу!

– Дай ее мне. Дай этот меч мне... – В голосе хозяйки прозвучали одновременно и страх, и надежда, и мольба. – Дай его мне, Леша. Положи в ладони.

Она вытянула руки перед собой ладонями вверх. В душе Дикулина появилось жгучее желание рубануть женщину сверху вниз остро отточенным лезвием по бьющейся над ключицей жилке – но он справился. Перехватил левой рукой за середину клинка опустил оружие в ладони хозяйки, немного так подержал, скрипнул зубами и разжал пальцы.

Лена быстро переложила меч в футляр, захлопнула крышку, торопливо сунула куда-то вниз, развернулась к гостю, приложила руку к его щеке:

– Леша, ты чего? Что случилось? – От неожиданно ласкового прикосновения, от скользнувшего по губам мизинца наваждение отпустило. – Ты как? Все хорошо? Это все топорники. Они ко мне тоже являются. То, говорят, вещь святая, ее храму подарить нужно, то иноверцам не продавай, то православным в дом не допускай. А у самих денег нет. Ничего не берут, только советуют...

Не переставая говорить, она опустила руку, плотно сжала

его ладонь, вывела гостя из торгового зала, одной рукой за-
пирая за собой засовы и вешая замки, пропустила в офис,
посадила в кресло:

– Ну-ка, дай взгляну... Да, все в порядке, все застыло. Ну
что? Тогда давай подброшу тебя обратно? – Она опять взя-
ла его за руку своими теплыми, тонкими, мелко подрагива-
ющими пальцами, провела через весь магазин и отпустила
только на улице, перед машиной.

С Рубинштейна по Невскому и Лиговскому они промча-
лись самое большее за пять минут. Лена притормозила у
въезда во двор управления, заглушила двигатель.

– Вот. Извини, если что не так.

– Спасибо, – кивнул Алексей. Вдохнул, размышляя. По-
том решился: – В общем, я был там, на задержании. Когда
изымали кошку с нефритовыми глазами. Я до нее дотронул-
ся, и у меня такое странное ощущение возникло, как будто
током ударило. А сегодня, на месте пожарища, я дотронулся
до обгоревшего куска и ощутил тот же удар. Поэтому я точно
знаю, что сгорела именно кошка, ее не украли. Вот...

Итак, он рассказал все, что хотела узнать от него Лена.
Все, что знал. Больше он ей не нужен.

Дикулин вышел из машины, захлопнул дверцу и только
после этого наклонился к приоткрытому окну:

– Может, кофейку как-нибудь выпьем?

– Нет, спасибо, – покачала девушка головой. – Терпеть не
могу кофе.

– Ну да, конечно... – Алексей ощутил, как в душе лопнула какая-то тонкая звенящая струна. А чего он еще хотел? Чудес не бывает... – Да, конечно. Спасибо, что подвезли.

– Нет, Леша, стой! – наклонилась она к пассажирской двери и до конца опустила стекло. – Я, правда, терпеть не могу кофе. Столько его выпивать на деловых встречах приходится, что не лезет больше. Ты знаешь, я так закрутилась, что уже целую вечность ни в музеях, ни в театрах не была. Если бы меня кто-то пригласил, обязательно бы согласилась.

– Музеи? – Вернулся Дикулин к машине, лихорадочно вспоминая, куда можно пригласить Лену. И ведь времени уже почти семь!

– Вот, возьми визитку, – протянула белый прямоугольник девушка. – Там телефон магазина указан. Вместо двух последних цифр наберешь пять-два. Это уже я. Сегодня, правда, я туда не попаду. Но завтра с утра буду на месте. В общем, звони.

Она подняла стекло, и секунду спустя «Тойота» сорвалась с места.

Москва, Большая Академическая улица.

14 сентября 1995 года. 10:45

– Ты же на работу проспал, Толя! – От резкого толчка Пустынник откинулся на спину, сладко зевнул и открыл глаза.

Низкий, шершавый мелованный потолок, оклеенные зелеными обоями стены, вонючая герань на облупившемся

подоконнике. Да уж, удружили Великие. Ни оплаты, ни Ока, ни отдыха нормального. Нанялся, называется, новую силу получить.

– Да вставай же, тебе только одеться время осталось.

– Ерунда, у нас сегодня совещание после обеда, – сымпровизировал наиболее безопасную, на его взгляд, отговорку Пустынник, потом сосредоточился, вспоминая имя жены, и попросил: – Марина, оставь мне двести рублей, нужно купить кое-что.

– А зачем тебе? – тут же насторожилась женщина. – У нас всего сорок тысяч до аванса осталось. А нам еще на дачу два раза ехать.

– Я хочу сделать тебе сюрприз.

– Какой сюрприз? Нам сахар взять надо для варенья, баллон газовый поменять...

Пустынник покачал головой, глядя на эту загнанную, как фермерский мул, женщину. Гладко зачесанные и собранные на затылке волосы, серое лицо, наскоро подведенные брови, сутулые плечи. Полное смирение перед невзгодами судьбы, которые давно воспринимаются, как нормальная жизнь. Да, тяжелый случай. Маг вздохнул, откинул одеяло и, усаживаясь, потребовал:

– Оставь. Вечером разберемся.

Жена Анатолия Метелкина подчинилась, недовольно бросив на стол две бумажки, и, презрительно отвернувшись, вышла. Вскоре хлопнула входная дверь. Ушла.

Пустынник поднялся, сходил в ванную, смыл с себя накопившуюся пыль, смрад тюремной камеры, полуторасуточную усталость. Потом остановился перед книжными полками, проглядывая корешки. Художественные, художественные, орфографический словарь, справочник металлурга, металлорежущие станки, методики отливок, печи мартеновские и восстановительные... Ну, что же, в общих чертах понятно, чем бывший хозяин занимался. Чем-то связанным с металлообработкой. Маг напряг память, пытаясь вызвать более четкие сведения из души мертвеца, но смог добиться только неясных образов небольшой каморки под самой крышей и огромного цеха, уставленного тяжеловесными станками. Впрочем, для того чтобы правдоподобно соврать случайному знакомому, этого вполне хватит, а ходить на завод вместо Анатолия Метелкина Пустынник не собирался. Однако дел у него все равно хватало. Новый хозяин квартиры неспешно оделся и быстрым шагом сбежал с лестницы.

Как ни странно, поверхностные воспоминания мертвых душ самые сильные. Видимо, потому, что они не связаны с сознанием, а существуют самостоятельно на периферии восприятия. Они хранятся не в глубинах памяти – они удерживаются в мышцах ног, рук, в привычных движениях пальцев. И когда выпиваешь душу, они, минуя сознание, проникают туда же. Именно поэтому Пустынник, заводя машину, привычным движением дважды пнул педаль, одновременно вытаскивая подсос, а потом, не давая заглохнуть холодно-

му двигателю, почти минуту удерживал выжатым сцепление. Именно поэтому, намереваясь найти ближайший пункт обмена валюты, он позволил рукам повернуть на ближайшем перекрестке налево, потом направо в узкий, заросший старыми кленами проулок, где в торце пятиэтажного дома и обнаружилась небольшая каморка с толстыми стальными решетками на окнах.

– Добрый день, девушка, – наклонился он к окошку. – Я бы хотел обменять на рубли две банкноты по сто долларов.

Сотрудница обменника, слышавшая такие фразы раз сто на дню, согласно кивнула, приняла двести рублей, проверила их под ультрафиолетом, положила рядом с кассой.

– Паспорт, пожалуйста.

– Пожалуйста, – кивнул в ответ Пустынник, и опять ответ девушку полностью удовлетворил. Она отсчитала пачку пятидесятитысячных банкнот из ящика кассы, наклонилась вперед и пересчитала их еще раз, на глазах клиента.

– Восемьсот девяносто три тысячи восемьсот рублей.

– Спасибо. – Запихивая в карман зеленоватые бумажки, Пустынник вернулся к машине, развернулся, не спеша покатился обратно к Академической улице, представляя, как сотрудница обменника укладывает столтники в ящик с валютой. Ничего страшного. Когда она сунется за долларами, то подумает, что просто перепутала деньги местами, и никак не свяжет их с утренним клиентом.

Разумеется, Пустынник мог без особого труда заставить

девушку разменять на рубли обычный тетрадный или даже кленовый листок — однако он, как и большинство других опытных магов, предпочитал не привлекать внимание смертных к странным событиям. Если человек видит, что вместо ста долларов у него лежит сто рублей — скорее всего, он обвинит в невнимательности себя. Если же вместо денег он обнаружит листок подорожника — мысли его могут принять совсем другое направление. А смертные, когда объединяются ради общей цели, часто оказываются куда опаснее самых страшных защитных барьеров и проклятий...

Шесть веков назад, когда Пустынник был еще неопытным мальчишкой, пил вино, ел мясо и брюхатил девок, маги попытались установить власть над миром. Это казалось таким простым делом! Ведь нескольких элементарных заклинаний хватало, чтобы возбудить ненависть целого селения против одного излишне самоуверенного священника или заставить брата пойти смертным боем на своего родича... Никто и представить себе не мог, что тупое вонючее быдло сможет не просто объединиться в своей ненависти к сильным этого мира, но и смести их со своего пути. В те годы многие, очень многие из умелых, сильнейших колдунов внезапно обнаружили, что не так-то просто подобрать нужные заклятия и провести требующий сосредоточенности и аккуратности обряд, когда к тебе рвется безумная толпа с вилами, топорами и косами, давит тебя ненавистью, защищается самыми неожиданными амулетами и символами.

Да, в те далекие годы тысячи, десятки тысяч самых мудрых и могучих магов оказались растерзаны в куски, распяты и замурованы в стены, закопаны живьем, сожжены на кострах. А потом пришла Святая Инквизиция, и еще долгих триста пятьдесят лет – почти четыре века! – старательно отлавливала уцелевших, вынюхивала, вылущивала, трудолюбиво просеивала дворян и рабов, священников и каторжников, чтобы выцедить среди них каждого, способного к развитию, стремящегося к истинному знанию, – и запалить под ним алый испепеляющий цветок.

Почти пятнадцать тысяч начинающих магов и опытных мастеров попались им в лапы и лишились своего бессмертия.¹⁶ Маги, что ухитрились скрыться от обезумевшей толпы, отвести глаза, перенаправить ненависть на посторонних людей – не смогли спастись от кропотливых муравьишек с крестами на груди и пустыми сосредоточенными глазками. Отчаянье витало среди тех, кто еще недавно мнил себя властителями мира. Учителя шарахались от учеников, ученые выдавали себя за безумцев, слабые отказывались от вечности, присягая папскому престолу. Инквизиция уничтожала неофитов быстрее, нежели те успевали обрести знание, и казалось – это конец. Все кончено. Древнее знание уничтожено навсегда...

¹⁶ Стараниями инквизиции только в Испании с 1781 по 1820 год были сожжены на кострах 34 658 человек, скончались во время следствия, в том числе и под пыткой, 18 049 подозреваемых.

Пустынник, словно это случилось только вчера, ощутил неистребимый холод каменного подвала, освещаемого только десятком закрепленных в держателях факелов, смрад перемешанной с кровью и глиной гниющей соломы на полу, потрескивание углей в жаровне, в которой калились два железных прута. И хотя умом он понимал, что в ближайшие дни подобная кара ему не грозит,¹⁷ – по спине, промеж лопаток, все ж таки расползся предательский ужас, а сознание едва не захлестнула паника. Он был молод, он только-только нащупал путь постижения знаний, тропинку к бессмертию, власти, и вдруг... Арест, инквизиция, допрос. И что теперь впереди? Цепляться за знание – это костер. Покаяться – епитимья, паломничество по святым местам, полное отступничество от постигнутого, утрата опыта, состояния души, способности к магии. А значит – жизнь обычного человека и смерть, неминуемая близкая смерть от старости.

Он стоял у стены под самым факелом. С того, обильно смоченного салом, капали на пол маленькие огненные шарики. Почему-то он мог думать только о том, что солома вот-вот загорится, и тогда ему не придется ни о чем беспокоиться, ни на что отвечать, тогда все образуется само собой, так или иначе. Но пламя с шипением гасло во влажной подстил-

¹⁷ Согласно уложению инквизиции о проведении следствия, подозреваемые подвергались пытке только в том случае, если путались в показаниях. Но даже в этом случае пытка огнем проводилась третьей (и последней).

ке пыточной камеры, а проклятый святоша, завернувшийся в свою суконную рясу, все перебирал и перебирал сложенные перед ним на длинном дубовом столе листы серой дешевой бумаги.

Палач в кожаных штанах и дорогой атласной рубаше с длинными рукавами, откровенно позевывая, ворошил угли, стражник у ворот, засунутый в темную от времени, изрядно помятую кирасу, в шлеме с широкими полями, скущающе скоблил острием алебарды камни над входной дверью. Для них все было обыденно и неинтересно. Наверное, они костер под своей новой жертвой станут разводить с точно такой же скукотой и ленью.

Внезапно распахнулась дверь, и в подвал вошел благообразный старичок в коротком плаще, широко разошедшемся над затянутыми в синие чулки ногами, в бархатном берете с приколотым к нему длинным пером, очень похожим на гусиное.

«Адвокат! – сообразил молодой маг, и сознание его внезапно прояснилось. – Вот почему допрос не начинался.¹⁸»

– Сын мой, – поднял глаза на арестованного инквизитор. – Ты не должен проявлять страха. Мы собрались не для того, чтобы причинить тебе зло, а во имя спасения твоей бессмертной души и достижения истины. Ты находишься здесь перед лицом Господа нашего, а посему зарекаю тебя

¹⁸ Нехебкау (подающий души) – божество в образе змеи, один из стражей входа в Дуат, спутник Ра в ночном плаваньи; почитался также как бог плодородия.

не оскорблять наш слух и Божье благословение ни малой, ни большой ложью.

На пытающегося уместиться за столом адвоката священник даже не смотрел, всячески выражая свое недовольство слишком поздним его появлением.

– Понял ли ты мои слова, сын мой?

– Да, – нашел в себе силы с достаточной твердостью кивнуть молодой человек.

– Ты ли носишь имя дона Альфонса де Тахо, сына идальго Эбро Тахо из Толедо?

– Да, святой отец, – кивнул маг.

– И ты проживаешь в Альбасете, во втором доме от Мельничьего моста?

– Да, святой отец.

Инквизитор вздохнул, склонившись к бумагам, немного почмокал губами, снова поднял голову, глазки его хищно сощурились:

– Ведомо ли тебе, дон Тахо, что свидетели дважды заставляли тебя за сотворением богопротивных обрядов, сжиганием крови, собиранием следов человеческих ради наведения порчи на благонамеренных жителей Альбасета, о чем подробнее описано в доносах, поступивших на имя легата святого престола, его преосвященства Хуана Льоренте?

Арестант опять ощутил, как в животе остро засосало холодком, а священник, перекрестившись, ласковым, почти умильным тоном спросил:

– Признаешь ли ты свою вину, сын мой?

– Нет! – Молодой маг хотел ответить более развернуто, но увидел, что его престарелый адвокат уже дремлет, подперев подбородок кулаками, и запнулся.

– Должен признать, сын мой, – согласился инквизитор, – есть заблудшие, что стремятся руками церкви христовой отомстить обидчикам своим, либо корысти ради творят доносы свои. Назови нам, дон Тахо, имена недоброжелателей и ненавистников своих, и мы исключим сих лиц из твоих свидетелей и обличителей.

– Ненавистников... – сглотнул арестант. Как много он отдал бы сейчас за зелье, что позволяло смотреть чужими глазами! Как ему хотелось разглядеть, что написано на проклятых листках, разложенных перед инквизитором! Увы, приходилось полагаться лишь на свою догадливость и память. – Кабатчик Гальяно, что с улицы моей, может солгать, – кивнул он и пояснил: – Негодяй недавно пытался подать мне кислое вино, за что и был бит поделом. Пабло Абарка де Болеа, граф де Аранда мог оговорить из-за давней ссоры. Мы с ним бились дважды, но оба раза я ранил его, не пролив своей крови. Купец Кано недавно грозился мстостью. Якобы я дочь его соблазнил и смог добиться от нее многого. Хуан Крамлинк, лавочник из суконного ряда, выпросил у меня сто дукатов на год, дабы с честью дочь свою выдать. Обещал вернуть взятое серебром или тканями для моих нужд, но с возвратом затянул более чем на месяц. Мигель де Легаспи пи-

тал чувство к одной замужней даме, однако же она предпочла снизойти ко мне своим расположением. Булочник Рюи мог затаить недоброе. Недавно я сбил конем его младшего сына, выскочившего из-за повозки. Вилья Моратин, горожанин, живущий на площади перед храмом святого Петра, вроде искал со мною ссоры по неведомой мне причине, однако же быстро погас в своих желаниях...

Больше он никого вспомнить не смог.

– Всех ли ты назвал недоброжелателей своих? – прервал затянувшуюся паузу инквизитор.

Арестант подумал еще немного, потом кивнул:

– Да, святой отец. Я стараюсь вести благочестивую жизнь и не знаю, кого мог обидеть так, чтобы подтолкнуть к преднамеренной лжи.

– Достаточно, сын мой, – остановил его инквизитор. – Степень твоего благочестия установит следствие с полной достоверностью. Пока же я, следуя наставлениям легата и регламенту по проведению расследования, исключил показания тех, из названных тобою лиц, кто мог совершить оговор... Дон Альфонсо де Тахо... У святой церкви ныне нет обвинений, что мы можем выставить против тебя, сын мой. Видать, Господу угодно было оградить тебя от клеветы и очистить твое имя от подозрений. Ступай, и да пребудет с тобой милость Божия...

Пустынник так и не узнал, кто из названных им инквизитору людей написал донос. В те дни он не думал о мести.

Вырвавшись из зловещего подвала, он в тот же день собрал книги, золото, повесил на бок дедовский меч из смертоносной толедской стали и умчался в Картагену, намереваясь отплыть в земли менее кровожадных арабов. Однако в порту он услышал про новые земли, открытые за океаном итальянским мореходом, и, отложив побег на три недели, дождался торговой каравеллы и отплыл туда – в дикие места, ныне называемые Америкой. Подальше от инквизиции, доносчиков, родственников, которых уже начал смущать его слишком юный вид.

Снова посетил родные земли Пустынник только через триста двадцать лет. К этому времени научившиеся прятаться маги уже смогли добиться главного: внушить инквизиции и церкви, что те победили. А после исчезновения охотников за головами еще почти сто лет – три поколения смертных – колдуны посвящали общие усилия тому, чтобы превратить борьбу церкви с инакомыслием в легенду, в сказку. В глупый бред, который овладел умами злобных религиозных фанатиков и отозвался бессмысленно пролитой кровью миллионов невинных людей.

Память смертных коротка – они забыли, с чего все началось. Они поверили, что следователи инквизиции были злобными карликами, которые пытали случайных жертв, вымогая у них ложные признания. Но опытные мастера знают истину, они сделали нужные выводы из прошлого и теперь всегда требуют от учеников скрытности, строят защитные убе-

жища, плетут магические коконы, защищающие их обитателей от любых ударов извне – от злобы людской, от дурного взгляда, от умелого колдовства, от неожиданной беды, от плохого слова. Они отводят от себя глаза, копят знание, воспитывают последователей. И очень может быть, что скоро смертные все-таки ощутят на своих шеях крепкое ярмо от новых хозяев.

Пустынник резко переложил руль, подъезжая к тротуару, заглушил мотор, наклонился вперед и оглядел витрину магазина. Тарелки, графины, хрусталь. Что же, очень может быть, здесь и удастся отыскать что-нибудь интересное.

Ему повезло, причем дважды. Войдя в магазин, он сразу увидел пузатый графин с пробкой, увенчанной большим хрустальным шаром, пусть и покрытым мелкими гранями – а в качестве дополнительного сюрприза на прилавке у кассы дремал большущий черный кот.

– Беру, – указал маг на графин, доставая деньги, и, пока кассирша отсчитывала сдачу, пару раз погладил кота по загривку, а затем, изловчившись, рванул с его спины пук шерсти. Мохнатая жертва, зашипев, взметнулась над прилавком чуть не на метр, рванула в сторону дверей – но это уже не имело никакого значения.

Обратно в квартиру он вошел уже через десять минут. Поставил графин в ванную, пустил тонкую струйку – шар должен быть обязательно очищен проточной водой, – сам

принялся шарить по ящикам письменного стола и вскоре наткнулся на пачку фломастеров.

– Отлично... – смахнув со стола салфетки и пластиковую хлебницу, Пустынник красным и зеленым карандашами нарисовал два треугольника, составившие звезду Давида, принес графин, водрузил его в центр каббалистического знака. Затем выложил на ладонь вырванный кусок кошачьей шерсти, подпалил его с помощью обычной газовой зажигалки. – *Acceper, le feu, la nourriture, rendre j'itriangle!*

Тонкие волоски почти мгновенно скрутились, превратившись в серый пепел – маг прихватил его в щепоть, чуть присыпал сам шар, остальное круговым движением высыпал на звезду. Опустил ладони на шар, закрыл глаза, напивая его своей энергией:

– *J'ouvre les yeux par la fenktre premier humain...*

Он замер, ожидая увидеть четкую и ясную картинку, – но вместо этого его окутал еще более глубокий мрак, местами пробиваемый мелкими голубыми и красными искорками.

– Ну же, ответь мне, Око, ответь...

Иногда, натолкнувшись на слишком сильную защиту, Око не могло заглянуть куда-то в потаенное место – но уж ответить, показать то, что происходит перед его глазами... Отвечало оно всегда, сразу и безупречно.

– *J'ouvre les yeux par la fenktre premier humain!* Око, где ты? Отвечай!

Искры усилились, замелькали чаще, плотнее. Пустынник

внезапно понял, что они пытаются составить какую-то картинку, меняются в цвете, собираются в определенных местах – но что все это означает, он понять не мог. Впрочем, означать это могло только одно: с Оком что-то случилось!

– Тысяча ифритов! – пробормотал он, подозревая, что лишился самой главной своей ценности. – Тысяча дохлых крыс!

Пустынник рванул ящик стола, выхватил первый попавшийся нож, полоснул себя по ладони, накрыл рукой хрустальный шар:

– Славутич! Славутич, я хочу услышать твой голос, я хочу взглянуть в твои глаза! Ну же, Славутич, не прячься. Я все равно дотянусь до твоей норы.

Драгоценная кровь пятисотлетнего мага, вытекая из пореза, смочила холодную поверхность шара, медленно впитываясь в поверхность заговоренного камня, и в шестнадцати километрах от Академической улицы начальник отдела планирования при аппарате президента тревожно поднял голову, кашлянул:

– Простите, коллеги, мне нужно на секунду отвлечься. Я обещал в это время сделать один очень важный звонок.

Над вытянутым столом послышался расслабленный вздох. Трое министров, двое начальников комитетов и генерал зашевелились, откинулись на спинки стульев, положили на полировку ручки и карандаши, потянулись к бутылкам с минеральной водой.

– Это ненадолго, – поднимаясь, кивнул Скрыбин. – А вас, Павел Сергеевич, пока попрошу подумать, чем вы намерены кормить калужские дивизии все время, пока на хлебном комбинате не восстановят котельную. И запомните, что никаких запасов в мирное время вскрывать я вам не позволю, равно как и посадить тысячи человек на два месяца на одни сухари.

Последние слова Вячеслав Михайлович произнес, уже входя в комнату отдыха. Он торопливо сдернул с вешалки пуховик с глубоким капюшоном, накинул на плечи, поднял капюшон, открыл створку шкафа, шагнул в него и уже оттуда, из сумрака, поинтересовался, глядя прямо перед собой:

– Ты уже отдохнул, Пустынник? Ищешь новой работы?

– Где моя кошка, Славутич? – наклонился к шару заокееанский маг, лоя в хрустальных гранях черты Великого. – Куда вы спрятали Око?

– Неужели ты думаешь, Пустынник, что оно у нас?

– Я знал, я чувствовал! – зашипел Пустынник. – Вы заманили меня сюда, чтобы украсть мой амулет!

– Ты забыл, на какой земле находишься, Пустынник, – усмехнулся Славутич, прикрывая дверцу шкафа, и лицо его стало еще темнее. – Здесь не принято красть и обманывать. Если мы захотим отнять, то сделаем это в честной схватке. Захотим купить – так и скажем. Мы были честны с тобой, Пустынник. Ты должен был провести разведку в северной столице и получить оплату тремя черепами. Ты не принес

ничего и ничего не получил. Тебе было сказано, что оставлять Око в Петербурге опасно. И Великий Изекиль принял меры к тому, чтобы оно не могло достаться Северному Кругу.

– Какие меры?!

– Я не знаю, Пустынник, – покачал головой Великий, – не интересовался. Но уверен, северяне до Ока не доберутся. Это точно.

– Что вы с ним сделали?!

– То, что необходимо.

– Вы убили его, твари!!! – Пустынник, не в силах сдержать ярости, хлопнул ладонями по шару и сорвавшийся с пальцев импульс энергии заставил хрусталь вскипеть и взорваться мельчайшим стеклянным порошком. – Вы убили амулет, который берегли десятки магов почти шесть тысяч лет! Проклятые гиперборейцы! Ради минутной выгоды вы готовы истреблять редчайшие артефакты, за которые настоящие колдуны платят веками рабства, которые передают только излюбленнейшим и доверенным из учеников! Кем вы себя воображаете? Нефелимами? Хранителями истины? Будьте вы прокляты! Ничего, настанет час, когда вострубят ангелы, раскрывая врата страданий. Мы сотрем вас в порошок вместе со всей вашей историей, истиной и верой! Русские будут пылать сальными свечками наравне со смертными ближних и дальних миров, моля о смерти, как о милости, а православный крест станет пропуском к мукам десятикратным,

по сравнению с прочими...

Пустынник заметался по комнате, круша все, что попадалось на его пути.

Великая Амагат, как он ненавидел всю эту Гиперборею и ее Великих! Он ненавидел ее темной наследной ненавистью колдунов, тысячи лет назад изгнанных из здешних пределов за поклонение силам смерти и стремление к власти, ненавидел ненавистью слабого, которого беспричинно ткнул мимоходом в грязь лицом сильный бугай и, смеясь, пошел дальше, ненавидел ненавистью ограбленного к обидчикам, скрывшимся за высокими стенами, за крепкой стражей. Он ненавидел, ненавидел, ненавидел...

Славутич его ярости, разумеется, не видел: едва хрустальная сфера рассыпалась в прах, как контакт немедленно разорвался. Однако особой пронизательности в данном случае и не требовалось. Вячеслав Михайлович Скрябин вышел из шкафа, небрежным жестом стряхнул несуществующую пыль, снял пуховик, остановился перед зеркалом: одернул пиджак, пригладил волосы. Слабо улыбнулся кончиками губ:

– Однако, кажется, наш гость немного огорчился...

Пустынник к этому времени уже успокоился, замерев над графином с оплавленным горлышком.

Да, с волевым ударом по шару он поторопился. Глупо. Теперь местные Великие будут знать, что он затаил обиду. И ударил энергией тоже зря. Все равно подобное нападение

бесполезно против мало-мальски приличного мага. Волевой импульс хорош против обычных смертных – когда какой-нибудь невежа толкнет в лифте или подрежет на дороге. Вот тогда это срабатывает отлично: просто указываешь на него пальцем, и смертный тут же испытывает острую боль в боку или животе, а то и валится от внезапного сердечного приступа. Это уже как его здоровье позволяет. Кое-кто и помирает. Либо сразу, либо через пару дней, во сне – из-за нарушения энергетических потоков в организме и общей слабости.

Что же касается Великих – то их ни одно проклятие не проймет, и никакая порча не пробьется через защиту. Слишком сильны потоки, что находятся в их распоряжении, слишком опытни сами колдуны... Но и оставлять без ответа столь наглое уничтожение древнего амулета Пустынник тоже не собирался.

Он открыл форточку, выкинул в нее бесполезный теперь графин, наскоро прибрал в комнате, потом нашел на полке телефонный справочник:

– А, б... е, ж... и, к... Ага, вот. Кафе, квартиры, кинотеатры, кислород... Кладбище. Улица Головинское. Бред какой-то. Хотя ладно, поехали.

Он вернул справочник на полку, сунул в карман ключи от машины и побежал вниз.

Головинское кладбище не представляло собой ничего особенного: густая зеленая шапка леса, возросшего среди

могил, железная решетка, часовня возле входа. Первым делом Пустынник завернул в храм, купил десяток церковных свечей. Жизнь простых смертных настолько переполнена верой в бога, что в большинстве житейских обрядов не обойтись без христианских атрибутов, энергетика которых тесно сплетается с энергетикой людей. Небрежно сунув свечи в карман, маг вошел в ворота, остановился перед нищим, в шляпе которого валялась зеленая бумажка и несколько монет.

– Слышь, родной, – Пустынник достал из кармана десяти тысячную бумажку. – Я у тебя две пятидесятки куплю. Уж очень нравятся...

Он кинул в шляпу десять тысяч, взамен выбрав две желто-белые монеты по пятьдесят рублей. Пожертвованные на кладбище, они являлись собственностью земли мертвых – как раз то, что требуется.

– Проклятый сатанист, – пробормотал нищий, но денежку моментально загреб в карман.

Маг, в мыслях которого уже начал созревать некий план, двинулся по тенистой дорожке, бросая взгляды на надписи на могильных плитах. Май, декабрь, август... Ага, вот и то, что надо. Гена Кимов, дата рождения – восемнадцатое сентября шестьдесят восьмого года.

Воровато оглянувшись, Пустынник черпнул с могилы горсть земли и торопливо направился к выходу.

*Санкт-Петербург, Смольный, столовая,
банкетный зал. 14 сентября 1995 года. 17:45*

Высокие окна банкетного зала были задернуты тяжелыми парчовыми шторами, и вечерним лучам удавалось пробраться внутрь только через узкую щель между карнизом и потолком, рассеиваясь в неясном полумраке. Света в помещении никто не включал, а потому очертания собравшихся за столом людей больше угадывались, нежели различались. Все они были в деловых костюмах: галстуки, рубашки, короткие стрижки. Даже обе женщины предпочли платьям юбку и пиджак.

Откинулась прикрывающая дверь в кухню занавеска, в зал быстрым шагом вошел еще один человек. Он оказался в мантии, с обычным для магов высокого ранга капюшоном на голове. Присутствующие вскочили, словно офицеры при появлении генерала, но вошедший небрежным жестом предложил им сесть, занял место во главе стола:

– Черемуха, что хозяин?

– Спокойно, о Великий, – отозвался упитанный, совершенно лысый мужчина. – Два раза порчу на него навести пытались, один гаврик вознамерился наговором на дым его заморозить и указ о предоставлении жилья подписать. Мы ему по тому же дыму икоту навели, чтобы о более земных вещах подумал. Он уже к невропатологу побежал, на колдовство больше не рассчитывает. Гаврик наш, местный, порча тоже из города. Похоже, либо забыли про нас в Москве, ли-

бо Иезекиль понял, что хозяин под хорошим присмотром, и отвязался.

– Как девочки, Илаида? – повернулся маг к одной из женщин.

– Заключили договор с Мексикой об обмене выставками. Те обещали привезти одеяния тамошних жрецов в обмен на картины из Русского, но в Мехико случилось землетрясение, и все развалилось само по себе, без нашего вмешательства.

– А просто уничтожить эту коллекцию нельзя? – Пригладил короткие вихры скуластый мужчина перед ней. – Чтобы вообще голова больше не болела.

– Тегусиам после такого разозлится насмерть, – возразила женщина, – а он опасный противник. К тому же он почти наверняка захочет приехать, разобраться на месте, и вместо десятка нарядов мы получим настоящего, сильного колдуна из рода инкских жрецов.

– Дейчер, – кивнул Великий, – хорошо, что ты здесь. Как дела с гостем?

– Нет больше нашего гостя, – развел руками скуластый. – Арестовало его Фрунзенское РУВД, а москвичи в тот же день выдернули через ФСК. Я вмешиваться не стал, чтобы зря не светиться.

– Как арестовали? – не понял Великий. – За что?

– Заявление на него написали, на кражу. Вот милиция и повязала.

– Пустынника?! Обычная милиция за кражу взяла?! – За

столом возникло веселое оживление. — Как же он дался-то?

— Вместе с группой захвата шел какой-то колдун, — пожал плечами Дейчер. — Видимо, достаточно сильный. Не наш. Я Пустынника вообще трогать не собирался. Подвел бы ему пару чиновников из Смольного, чтобы о нас не знали, и Москва бы опять на десяток лет успокоилась. Я, вообще, заподозрил, что тот парень из топорников. Крутились они возле нашего гостя. Но сегодня утром святоши стукнули бе-долагу у следственного отдела и отволокли к себе на Мона-стырку. Значит, они его тоже не знают. Получается, посторо-нный маг у нас завелся. Не наш и не московский. Причем достаточно сильный, раз с Пустынником справился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.